

Купанье въ морѣ, какъ и всякое леченіе, приносить пользу особенно тогда, если соблюдаются приличная дѣзта. Но странно видѣть, что многіе больные пріѣзжаютъ сюда съ своими чаями, кофеями, поварами и другими вредными привычками, при которымъ не только Ревельское море, но цѣлый океанъ водь не въ состояніи исправить здоровья. На это обстоятельство мѣстный врачъ долженъ бы обратить наиболѣе вниманія. Къ сожалѣнію, отъ обширной практической дѣятельности въ его головѣ не больше осталось знація о болѣзняхъ, какъ и о деревянной кровати, на которой лежать больные.

Первобытные, коренные обитатели здѣшней страны, Чухонцы, — прототипъ неопрятности, безвкусія, слабоумія, недѣятельности! Но взглянитесь хорошенко въ ихъ физическую организацію: какой прекрасный станъ тѣла, какая стройность его частей, какая бѣлизна и нѣжность кожи, какая полнота и роскошь женскаго бюста! Вслушайтесь хорошенко въ ихъ нарѣчіе: какая звучность, какая мягкость, какая неслыханная текучесть и сладость рѣчи! Кажется, если бы можно было усовершенствовать эту расу, вышла бы нація, становомъ стройнѣе Англійской, а языкомъ нѣжнѣе Италіанской, и на вѣрноеничѣмъ не хуже той, которая теперь считаетъ себя лучшою въ Эстляндіи.

Г. Сокольскій.

ДОРОГА ИЗЪ НИЖНІЯГО ДО ВОЛОГДЫ.

Продолженіе дорожныхъ записокъ, помѣщенныхъ въ N 9.

(Балахна, Кинешма, Кострома, Галич).

12 Августа. Любо ёхать Нижегородскими селами по Волгѣ. Почти все онѣ отстроены прекрасно. Что за лѣсь! Какими узорочными кружевами обвѣшано лицо всякой избы, въ два и три ряда. Конекъ уставленъ кокошками, деревянными фигурками: оттуда и кокошникъ, женскій

головной уборъ). Народъ встрѣчается рослый, здоровый, румяный — сердце радуется. Ну какъ сравнить съ нимъ нашу поскудную подмосковщину, изгадіе.... кото-
рое день ото дня худѣеть, мѣлѣеть, хильѣеть, кривится, и
лишается даже Божіяго образа. Сердце лоштъ, когда про-
ѣзжаешь мимо рынка, въ базарный день: что за лица
около возовъ съ дровами и сѣномъ, — съ красными но-
сами, мутными глазами, хриплымъ голосомъ!

Ямщикъ поѣхалъ по проселку — берегомъ Волги. Это страсть ихъ, которой пѣть ничего досадище для путеше-
ственника. Чтобы выгадать какую нибудь версту или
двѣ, потащутъ они васъ по кочкамъ, черезъ кустарникъ,
даже болотомъ. Иыпче случилось со мной еще хуже: ка-
закъ, на срединѣ поворота, (мы проѣхали уже верстъ
пять), никакъ не хотѣть пускать далѣе. Напрасно казалъ
я ему казенную подорожную, кричалъ, просилъ. Ничто
не помогало. Паконецъ мы замоѧчали всѣ, и я думалъ
уже ворочаться, какъ вдругъ онъ умилостивился, хва-
тиль ямщика пагайкою во всю спину, примолвивъ: «сту-
пай, впереди поподчуешь тебя еше!» Мы поѣхали.

Вирочемъ пикету надо-бы стоять вначалѣ поворота, и не
водить во искушение.

«Ну что, не говориль я тебѣ, дуракъ, чтобы ты не
ѣхалъ проселкомъ?» — «Да вѣдь тяжело, батюшко,ѣхать
по большой дорогѣ: песокъ по ступицы.» «А развѣ лучше
будеть, какъ тебѣ, черезъ десять верстъ, онять воротять
назадъ!» «Авось проѣдемъ какъ нибудь» Авось, — и я
вспомнилъ Князя Долгорукаго:

Авось! о, слово Русское, прямое!

Гляжу — и на встрѣчу намъ єдетъ повозокъ шесть,
одна за другою. Я расхохотался: что-то ожидаетъ
ихъ на пикетѣ. Ямщики закричали другъ другу во-
просъ: а что тамъ? то есть мой ямщикъ спрашивалъ о
переднемъ пикетѣ, къ Балахнѣ, а встрѣчный о заднемъ,
Нижегородскомъ. Оба они были въ одинакихъ обстоятель-
ствахъ. Отвѣтъ былъ также одинъ и тотъ же: ау-брать!

Оба стегнули лошадей и поскакали въ разныя стороны, подумавъ вѣроятно про себя: «что ни будетъ, то будетъ.»

«Отъ чего же не пускаютъ ъздить здѣсь, спросилъ я ямщика, если по большой дорогѣ ъхать тяжело?» — «А вотъ видите ли что: на большой дорогѣ есть постоянные дворы. Обозы, ъдучи по проселку, ихъ минуютъ. Вотъ хозяева и стали жаловаться, просить и проч. и проч.

Междуд тѣмъ мы приблизились къ зловѣщему выѣзду на большую дорогу. На счастье, попался знакомый ямщику Соцкой, мужиченокъ плохинъкій, который самъ указалъ переулочекъ, гдѣ проѣхать удобнѣе, и даже отворотилъ бревно, которымъ загорожена была дорога. *Я поблагодарила великодушнаго стражка закона!* За то какъ потрунила надъ нимъ баба, шедшая съ валькомъ па рѣку: «ай соцкой! вотъ онъ каковъ — самъ бревно отворачиваетъ!»

Въ 30 верстахъ отъ Нижняго находится на берегу Волги городъ Балахна. Миѣ случилось прочесть въ рукописи ея описание, сочиненное лѣтъ тридцать назадъ здѣшнимъ Священникомъ, которое оставило во миѣ очень приятное впечатлѣніе: добрый Священникъ съ такою простотою, кротостною и добросердечіемъ говорилъ о своихъ прихожанахъ, ихъ тихихъ правахъ и златой носредственности, въ иѣдрахъ коей живутъ они, что я полюбила ихъ издали.

Къ описанію приложено известіе объ ихъ обычаяхъ, цѣнахъ главныхъ произведеній съ 1760 года. Замѣчательно, что поселенные Иваномъ Васильевичемъ Новгородцы и здѣсь не занялись земледѣлемъ, а пустились въ промыслы. Поминанья въ Семикъ уничтожены здѣсь были только въ 1780 г., а гулянья остались. Всякой городъ долженъ бы иметь такое описание. Нужно ли прибавлять, что оно принадлежитъ къ обязанностямъ Штатнаго Смотрителя и Учителя Исторіи.

Новѣрять ли читатели, что изъ двадцати разныхъ учителей, съ которыми я прежде и послѣ встрѣчалася, ни одинъ

не могъ мнѣ сказать, далеко ли отъ его города до сосѣднихъ, губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, кромѣ资料, и ни одинъ не могъ сообщить мнѣ ничего порядочнаго объ его исторіи, а всѣ знаютъ подробно дѣянія Александра Македонскаго, и еще подробнѣе Ассирийской Семирамиды!

Гостиница очень порядочная — двѣ-три чистенькия комнаты. Я велѣлъ подать себѣ уху, и послать за смотрителемъ, а между тѣмъ завелъ разговоръ съ одпимъ гостемъ, кажется, изъ служителей Фемиды, который въ уголку трудился надъ селянкою. «Есть ли у васъ въ городѣ охотники до старины?» «Быль священникъ любитель, да умеръ третьяго года, Сергѣй Герасимовичъ Кандорскій.» «Не осталось ли послѣ него какихъ рукописей?» «Были, чай, да Богъ знаетъ куда подѣвались.» «А что много дѣланотъ у васъ балахоновъ?» Гость усмѣхнулся. Мы не отъ балахоновъ, а отъ Волхова. «Отъ какого Волхова?» Огнь Новогородскаго — мы назывались Волохна, а ужъ послѣ прозвались Балахною. Мы природные Новогородцы, и присланы сюда Иваномъ Васильевичемъ. — Вотъ вамъ исторія и этимологія. Для меня было очень пріятно встрѣтиться съ ними въ трактире. «Ну не слыхалиль вы чего о селѣ Юрьевѣ, гдѣ погребенъ Князь Пожарскій.» — «Какъ не слыхать, да вѣдь говорятъ разно: мнѣ сказывалъ одинъ священникъ, что Князь Пожарскій лежить въ селѣ Суховатово.» — «Гдѣ же это село Суховатово?» — «Верстахъ въ осьми отсюда, по дорогѣ въ Жары.» — «Какіе Жары?» спросилъ я моего словоохотнаго собесѣдника, потому что звучіе Жаровъ съ Пожарскимъ возбудило мое любопытство, хотя его прозваніе происходитъ отъ Пожара, города въ Черниговскомъ древнемъ Княжествѣ. «Волость Жарская,» отвѣчалъ онъ; «большая волость, которая искони принадлежала Князьямъ Пожарскимъ.»

Надо сиравитъся объ этихъ именахъ: они очень пріимѣчательны.

«Ну скажите мнѣ еще о здѣшнемъ предводителѣ, Г. Латухинѣ. Карамзинъ, — слыхали вы объ немъ? — (Юристъ

кинуль головою) Карамзинъ ссылается на одну Степенскую Книгу, Латухинскую. Не здѣсь ли она? — «Можетъ быть, у Николая Яковлевича. У батюшки его было много книгъ?» Я просилъ смотрителя училищъ навести миѣ послѣ справку.

Междѣ тѣмъ лошади были уже готовы, и я отправился, поблагодаривъ своего новаго знакомца за любопытныя свѣдѣнія.

Не могу разобрать пословицъ, записанныхъ карандашемъ: «Балахна стоитъ (кажется) роть распахнія. Нижегородцы водохлебы. Нижегороды не уроды. Нижегородская бородка, усъ Макарьевскій. Арзамасцы лукобѣды.»

Новыя поселенія называются новинками. Есть убогіе дома для погребенія странниковъ.

Хорошо бы издавать особый журналъ, посвятивъ его исключительно Исторіи, Географіи, Статистикѣ городовъ. Надо же возбудить какъ нибудь любопытство, произвести участіе къ отечественной исторіи, въ многочисленномъ классѣ городскихъ обитателей. Они живутъ, и не знаютъ, где живутъ, какъ будто родились пакаунѣ, погрязши въ болотѣ ежедневной нужды и заботы, изъ подъ которой не видятъ и не знаютъ ни чего. (А послѣ пришло миѣ въ голову: кому лучше принять на себя эту обязанность, на первой случай, какъ не губернскимъ вѣдомостямъ?).

Дорога лѣсиста. Въ извѣстныхъ разстояніяхъ стоятъ пикеты, мѣра благоразумной осторожности на время ярмарки. За лошадьми иѣтъ остановки лягдѣ.

13. Почтою проѣхалъ черезъ иѣсколько многолюдныхъ посадовъ, которыми особенно блгата Костромская губернія. Глухо, а попадаются розбитые ямщики: одинъ, даже въ раскольнической деревнѣ, молодой мальчишка, въ полночь, запрягая лошадей; упрашивалъ своего товарища, или брата, вынести ему трубку — затянутъся! «Неужли отецъ тебя не бѣть?» спросилъ я негодая. «Да развѣ я при немъ курю,» отвѣчалъ онъ не занимаясь.

И Кинешма городокъ порядочный. Проѣзжая чрезъ базарь, увидѣлъ я часовенку, съ надписью: «1609 года.... Поляки.... Боборыкинъ.» Не могъ издали разобрать болѣе. Вѣрно воспоминаніе объ историческомъ происшествії. Пока перемѣняли лонадей, сходилъ въ училище, въ прекрасномъ домѣ, на берегу Волги. Всѣ классы заняты. Во второмъ преподается Исторія. «А какая надпись надъ часовиою у рядовъ?» Всеобщее молчаніе. Учитель, предполагая, что я хочу экзаминовать, тотчасъ предложилъ свой вопросъ: что есть Исторія? Ожидая услышать знакомый отвѣтъ: «Исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ мірѣ,» я повторилъ свой прежній: «Развѣ никто изъ васъ не читалъ надписи? вѣдь она вѣрно говоритъ что нибудь о вашемъ городе.» — Тоненькой голосокъ заикался: въ 1609 году нападали Литовцы.... Я обѣщалъ подарить ему книжку. Въ старшемъ классѣ очень былъ радъ встрѣтить своего ученика, студента, на которомъ еще числилась у меня классическая недоимка— извлечь изъ Голикова поденную записку о дѣяніяхъ Петра I.—«Что же долгъ?» спросилъ я.—«Книгъ у насъ нетъ. Я радъ бы.»

Посмотрѣлъ на училищную библіотеку. Жалость видѣть: едва ли найдется десять книгъ приличныхъ для учителя, и двѣ—три для ученика.

Я говорилъ прежде о библіотекахъ гимназическихъ; скажу теперь два слова объ училищныхъ. По уставу училище получаетъ ежегодно 150 р. Сверхъ того Почетные смотрители жертвуютъ обыкновенно рублей по сту и болѣе на приращеніе библіотеки. Этихъ денегъ предо статочно, если употреблять ихъ съ толкомъ. Въ пять лѣтъ накопилась бы порядочная библіотека. Только не давайте теперь Уѣздному учителю никакихъ ученыхъ сочиненій, никакихъ диссертаций, никакихъ системъ, а пуще всего никакихъ педагогическихъ наставлений. Онъ не будетъ читать ихъ, и онѣ лягутъ у него на полки неразрѣзанныя, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 20. Теперь предлагайте

ему изданія въ родѣ Нѣмецкихъ Pfennig-magazine, какую нибудь Жизнь Петра I, описаніе войны 1812 года, даже романы какъ Юрій Милославскій, Рославлевъ, Бусурманъ, стихотворенія, журналы (хоть мнѣ и скажетъ иной острякъ: vous etes orfevre Mr. Iosse), вообще книги для него занимательныя, пріятныя, а не сухія и тяжелыя, которыя ему не приносятъ еще рѣшительно никакой пользы. Подождите лѣтъ десять, и тогда я перемѣню вамъ свой совѣтъ. Все это можно сдѣлать очень дешево, войдя въ спошениа съ издателями, или посредствомъ особыхъ изданій; только надобно отнѣратъ ларчикъ просто, безъ ухищреній механическихъ. Смотритель не смѣеть теперь выписывать книги самъ, и просить позволенія у Директора, а тотъ въ свою очередь обращается выше, и время проходитъ въ перепискѣ. Еще чаще, Смотритель, не полагаясь на свой выборъ, не спрашивается позволенія, чтобы не попасть на дурное замѣчаніе, и суммы вездѣ обращаются въ экономію, а библіотеки уѣздныя безъ книгъ и учителя безъ чтенія, легонькой огонекъ, таящійся въ груди ихъ, безъ пищи.

Базарный день въ уѣздномъ городѣ не безъ занимательности: есть и живость, и движение, и разнообразіе, и предметы для живописи.

Переправлялся чрезъ Волгу на паромѣ. Переvoщикъ носадилъ всѣхъ мужиковъ помоложе за весла. Бабы угнѣздились къ сторонкѣ; я сѣль подле, чтобы подслушать ихъ разговоръ, а между тѣмъ смотрѣль на подплывавшій суда, дабы не подать имъ подозрѣнія.

Первымъ предметомъ разсужденія были покупки на базарѣ, кто что купилъ, за сколько. Покупки были пересмотрѣны и осыпаны замѣчаніями. Потомъ разговоръ перешоль нечувствительно къ работе. Всѣ онѣ переспросили одна другую, есть ли у кого споха, у кого невѣстка, какого она права, работяща ли, и проч.

«У меня есть невѣстка, замѣтила одна; вотъ какая называлась, что житъя нѣть: не想要 себѣ работать да

и только; чуть отвернешься, она уже и паровитъ сложить руки. Одного мужа боится. Лишь завидить его или заслышишь, также баба да не та.»

Далѣе ленѣ обратилъ на себя общее вниманіе. Всѣ бабы рассказали, у кого какъ онъ родился, топокъ ли, дологъ ли, волокнистъ.

Наконецъ одна изъ нихъ, лѣтъ подъ сорокъ, овладѣла разговоромъ, и умилымъ, елегическимъ голосомъ начала описывать свои обстоятельства. Хотя въ нихъ ничего не было необыкновенного для ея слушательницъ, но онѣ слушали ее со вниманіемъ, подгорюнясь, и прерывая рѣчь вздохами и односложными вопросами:

«Что за сыника Богъ далъ миѣ! То-то доброй, то-то смирной, безотвѣтной! Я ходила теперь павышать его на мѣльницѣ. Вотъ, родимыя мои, работа-то тяжелая,— тридцать три ступени на мѣльницу. А мѣничи-то—но пяти пудовъ, иноси-ка ихъ! Сколько разъ оборотится. Изхудаль, мое дитятко! Наклакалась я на него, глядючи на моего милаго. Хочу взять. Да гдѣ другаго-то мѣста найти?... Охъ житѣе наше горемычное!»

Между тѣмъ паромъ приблизился къ берегу. Перевозщикъ обходилъ и собиралъ деньги. Бабы полезли за своими платками и полотенцами. Потомъ припялись развязывать узелки. всякая копейка увязана была въ пять узлахъ,—копейка потовая, кровная. Я даль имъ двугривенный. Что за удивленіе выразилось на ихъ лицахъ! Онѣ смотрѣли на меня во всѣ глаза, и не могли промолвить ни слова. Ужъ послѣ того, какъ я выпшелъ на берегъ и сталъ подниматься на гору, послышались благодарныя восклицанія, и провожали меня до самаго верха горы. Боже мой! сколько радости можетъ доставить иногда двугривенный!

Расскажу здѣсь кстати примѣчательный анекдотъ, который я слышалъ послѣ обѣ одномъ Кинешемскомъ мѣщанинѣ: онъ послалъ сына, лѣтъ 17-ти, куда-то на сельскую ярмарку. На возвратномъ пути мальчика убили

двоє мужиковъ, думая, что у него много денегъ. Преступники были пойманы, сознались, и наконецъ осуждены на каторжную работу. Ихъ погнали мимо дома несчастного отца, у которого они отняли единственного сына; старикъ и старуха стояли у воротъ. Мать, увидя убийцъ, начала проклинать ихъ, и призывать на нихъ Божіе наказаніе. «Молчи, баба!» закричалъ на нее старикъ, «выноси скорѣе сюда, что есть у тебя въ печи. Подавай пироги, кашу. Мы угостимъ ихъ на дорогу! Богъ велитъ творить добро ненавидящимъ насъ. Господа служивые! позвольте намъ поподчивать васъ хлѣбомъ-солью.» И старуха должна была вынести все, что у неї было приготовлено.... Вотъ героизмъ добродѣтели! Вотъ геройство въ исторіи! Вотъ на какихъ чувствахъ держатся царства! Если бы всѣ подобныя черты собираемы у насъ были по городамъ и сохранялись въ ихъ частныхъ исторіяхъ—на память родамъ, въ поученіе и наизданіе потомкамъ!

По дорогѣ вездѣ прекрасная аллея березокъ.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ ямщики разсторопнѣе, и за то безнравственнѣе; развратъ и нынѣство оставляютъ свои отвратительные слѣды на лицѣ. Ничего нѣть грустнѣе, какъ смотрѣть на этихъ одичалыхъ людей, которые вышли изъ первоначальной крестьянской простоты, а изъ городовъ заняли только ихъ пороки!

Въ Кострому приѣхали мы ночью. Что за комнату отвели намъ на постояломъ дворѣ! Не могъ успеть ни минуты: все тѣло венухло. О Русь! Скорѣе спасаться въ тарантасъ. Проѣзжій сидѣлецъ на сѣникѣ сказывалъ сказку какую-то препѣтную,—а товарищи слушали его съ удовольствіемъ и останавливали поминутно прося объясненій. Слѣдовательно есть охота у нихъ, есть чувство юмористическое; послѣ тяжелыхъ трудовъ для они удѣляютъ время отъ сна на слушаніе подобнаго вздору. Всего забавнѣе показались мнѣ собственныя вставки разскажчика, какъ онъ принимался судить и бранить дѣйствующихъ лицъ, какъ будто бѣ самъ имѣть съ ними дѣло. Дани

только они угомонились, и я забылся, отвязалась лошадь отъ коневяви, пошла бродить по всему обнирному двору, и наконецъ приступила съ своимъ рыломъ къ нашему тарантасу. Я закричалъ. Никто не слышитъ. Повѣстователь и его публика хранили безъ памяти. Фонаря не было. Хозяинъ или дворникъ вѣрно запрятались въ избу. Поперекликавшись съ одною лошадью, а наконецъ усталъ и уснулъ, но въ просонкахъ слышалось мнѣ долго ея ржаніе и круговое путешествіе. О Русь!

14. Поднялся съ позаранку къ рѣкѣ. Жаль, что туманъ мѣшаетъ видѣть вдаль, а видъ на Волгу и заволожье долженъ быть прекрасный. Въ Гимназію. Еще слишкомъ рано, и я засталъ только одного ученика, который чертилъ на доскѣ математическія фигуры. Къ Директору, который живеть въ какомъ-то старомъ, разваливающемся замкѣ, пред назначенномъ къ сломкѣ и возсозданію. Первый вопросъ, пѣть ли въ городѣ какихъ охотниковъ до древностей и собирателей. «Нѣть никакихъ.» Мы заговорили о новомъ домѣ для Гимназіи, какъ вдругъ входитъ женщина, въ чепчикѣ, бѣдно, но опрятно одѣтая, съ мальчикомъ, и прямо въ ноги къ Директору. Онъ смущился. «Помилуйте, сударыня, какъ вамъ не стыдно, что это значитъ?» — «Батюшка, у меня семеро дѣтей, вотъ старшій!» — «Такъ что же вамъ угодно?» — «Примите его въ Гимназію.» — «Для этого не нужно никакой просьбы. Чрезъ недѣлю начнутся экзамены вступительные.» — «Да нельзя ли, батюшка, принять его въ 3 классъ.» — «Онъ будеть принять, судя по своимъ познаніямъ, куда достоинъ. Гдѣ онъ учился?» — «Въ уѣздномъ училищѣ такомъ-то. Первый былъ. И учитель хвалилъ его мнѣ лучше всѣхъ. Вотъ и свидѣтельство.» — «Изъ уѣзднаго училища не льзя попасть ему въ 3 классъ: онъ не учился вѣдь по Латинѣ.» — «Батюшка, да что же ему дѣлать во 2 классѣ. Онъ тамъ все знать.» — «Конечно, ему не будетъ ни-

чего новаго, но безъ Латинскаго языка нельзя учиться въ З классѣ»—«Чѣмъ же мнѣ содержать его столько лѣтъ. Ему надо скорѣе хлѣбъ доставать самому.»—«Такъ отдайте его въ службу.»—«Жалко, батюшка, охотится онъ учиться, и учитель болѣно хвалитъ и совѣтуетъ.»—«Зачѣмъ вы держали его въ училищѣ такъ долго; ему бы выйтти изъ 2 класса, было бы все равнозначительно?»—«Отецъ мой, я не знала этого, а учитель совѣтовалъ оставить его въ училищѣ.»—«Разумѣется, учителю всегда жаль отпускать отъ себя хорошаго ученика, которымъ украшается училище.» Старушка принялась опять кланяться, не смотря на всѣ доказательства Директора, котораго я и оставилъ защищающаго всѣми общими мѣстами крѣпость Латинской этиологии, безъ всякой надежды со стороны моей на побѣду.

Отыскалъ достопочтенаго О. И. Васькова, по благосклонности котораго я пользовался въ Москвѣ описаниемъ Новгорода при генеральномъ земель размежеваніи. Онъ далъ мнѣ свои дрожки съѣздить въ Ипатьевской монастырь.

Этотъ монастырь, знаменитый въ Россійской Исторіи, стоитъ на берегу Костромы, въ верстѣ, кажется, не болѣе отъ города.

Надо же случиться, что въ монастырѣ Годуновскомъ, который основанъ родоначальникомъ Годуновыхъ, (крестникомъ Митрополита Петра), который былъ распиространенъ и обогащенъ его потомками, здѣсь погребеными, чтобы въ этомъ монастырѣ нашелъ себѣ убѣжище и спасеніе Михаилъ, родоначальникъ фамиліи Романовыхъ! Годуновы созидали для Романова!

На право отъ большихъ вратъ стоять скромныя кельи въ два жилья, гдѣ скрывался юноша съ своею матерью. Онъ выкраинены снаружи нестрѣмы шахматами по старымъ слѣдамъ, кое-гдѣ открывшимся изъ-подъ позднейшей краски. Вошелъ по новой наружной лѣстнице. Прошелъ по тѣснымъ комнатахъ, въ два ряда

безъ коридора, съ старыми изразцовыми печами, съ торцевыми полами.... Въ углу образъ Федоровской Божіей матери.

Михаилъ бытъ Государь именно такой, какой бытъ нужденъ для Россіи въ то время: тихій, миролюбивый, даже слабый. Будь онъ тверже, воинственнѣе, онъ не согласился бы на уступки Полякамъ и Шведамъ, и могъ бы подвергнуть новой опасности истомленную и опустошенную Россію.

Осмотрѣлъ Зеленую башню, подъ коею Михаилъ съ матерью встрѣтилъ торжественное шествіе посольства Московскаго, съ Московскими иконами, которыхъ несли Иалицынъ, Феодоритъ и проч. Посольство почевало въ Селицахъ, по ту сторону рѣки.

Осмотрѣвъ комнаты, зашелъ съ своимъ почтеніемъ къ Преосвященному Владимиру, которому угодно было самому показать миѳ примѣчательности ризницы и собора. Вездѣ слышалось имя Годуновыхъ; этотъ образъ положенъ вкладомъ такимъ-то Годуновымъ; это Евангеліе написано по приказанию такого-то Годунова. Есть и Борисовы приношенія. Главнымъ вкладчикомъ былъ Бояринъ Димитрій Иванович Годуновъ, дядя Борисова. Ему Ипатьевскій монастырь облязъ больше всѣхъ. Я видѣлъ здѣсь точь въ точь подобную Псалтирь, за какую одинъ торговецъ просилъ съ меня на ярмаркѣ 1500 р.

Здѣшнему монастырю непремѣнно надо бы взять подъ свое покровительство Бориса Федоровича, и снять съ него хоть нѣсколько преступлений, столь щедро возведеныхъ пристрастными лѣтописателями.

Говорилъ объ немъ съ Преосвященнымъ, который однакожъ никакъ не расположенъ къ несчастному Борису Федоровичу.

Въ соборѣ примѣчательны двери, весьма древнія, одного рода съ Кирилловскими и Александровскими.

Стѣнная живопись конца 17 вѣка. Путешественникъ-

живописецъ долженъ снять бы себѣ рисунки со всѣхъ образовъ, коихъ время извѣстно, а здѣсь ихъ много изъ 16 и 17 вѣка, съ означеніемъ годовъ. Много также примѣчательныхъ крестовъ, воздуховъ, чашъ, хоругвей; напр. хоругвь съ шитыми образами временъ царя Алексія Михайловича. Преосвященный показывалъ мнѣ древнѣйшую икону, представляющую явленіе Мурзѣ Чету, родоначальнику Годуновыхъ,—Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, и предстоящими Апостоломъ Филиппомъ и Муч. Иоантьемъ. Она поновлена въ 1605 году.—Замѣтимъ одинъ изъ колоколовъ (въ 600 пудовъ), слитый за село, часы съ перечасьемъ, придѣль Михаила Малеина, Ангела Михайлова, Царское мѣсто деревянное, присланное Михаиломъ Оедоровичемъ.

Воротившись въ Кострому, хотѣлъ непремѣнно засвидѣтельствовать свое почтеніе отцу Протоіерею Арсеньеву, который священствуетъ уже слишкомъ 50 лѣтъ при соборѣ, и извѣстенъ своими проповѣдями, простыми, искренними и убѣдительными.

Старецъ еще свѣжъ и бодръ, и обводилъ меня самъ по собору; онъ какъ будто сжился, сросся съ зданіемъ и составляетъ его часть. Ему особенно обязана соборъ своимъ устройствомъ и украшеніемъ. Съ какимъ удовольствіемъ разсказывалъ онъ о всякой вещи! «Вотъ это напакадило новѣсьль я тогда-то. Этотъ окладъ сдѣланъ по такому-то случаю. Теперь отдѣляется вотъ этотъ придѣль. А какова наша колокольня! Ее строилъ простой мужичекъ, и проч. и проч.

Первое сокровище собора, губерніи и города, есть икона Оедоровскія Божіей Матери, явившейся въ 1289 году, на поклоненіе которой безпрестанно стекаются богохульцы.

Я зашелъ къ нему въ комнаты, и видѣлъ книгу, завѣденную имъ для записыванія примѣчательныхъ происшествій, касающихся собора. Жаль, что не успѣлъ списать

примѣчательнаго предисловія, написаннаго Ю. П. Бартеневымъ, подарившимъ ее достойному Протоіерею.

Мѣстоположеніе Собора, на крутомъ берегу Волги, прекрасно. Описаніе его напечатано.

Площадь предъ домомъ Генераль-Губернатора, которую Государь Императоръ повелѣлъ называть Сусанинскою, превосходна. Достойная награда великому мужу, которому, въ бѣдной его избѣ, судьба предоставила случай сдѣлаться спасителемъ Михаила, и слѣдовательно всего рода Романовыхъ!

Былъ на военномъ ученьѣ на полѣ, куда собрался весь городъ, незнакомый съ подобными зрѣлищами.

Московскій радушный обѣдъ у О. И. В., въ обществѣ Я. В. Н. и И. В. Наслушался славныхъ вещей о городахъ, о причинахъ возвышенія однихъ и упадка другихъ, о мѣстныхъ промыслахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о винныхъ откунахъ. Ахъ, еслибы столицы были знакомы съ губерніями! Сколько узнаешь въ иномъ городѣ, или даже въ иной деревнѣ, въ курной избѣ,—чего и не пригрѣзится на паркетѣ! Запишу одно замѣченіе: откупщику доставляетъ доходъ не пьяница, а воздержный!—Какъ такъ?—«Пьяница пропьетъ все разомъ, а потомъ и заговѣется. Воздержный пить по немногу, и доставляетъ постоянный доходъ!» О еслибы всякой Русскій крестьянинъ могъ пить по чаркѣ, по двѣ. въ день! Какъ бы это было здорово для него, полезно для купца и помѣщика, и выгодно для откупщика! Слышалъ о какой-то лѣтописи города Костромы въ Думѣ; обѣ отличной деревянной церкви въ Желѣзномъ борку, томъ монастырѣ, гдѣ оставался Темный во время послѣдняго сраженія его войскъ съ Шемякою. «Такая странная архитектура, говорить; такія разныя вычурные украшешя, что чудо!» Надо бы срисовать, пока она не развалилась. Желѣзной борокъ примѣчательнъ еще тѣмъ, что тамъ постригся Григорій Отрещевъ.

Отправился въ Галичъ. Дорога лѣсиста. Есть очень хорошия усадьбы, напримѣръ имѣщика Н. Н., которую

ямщикъ не проѣхалъ, а проскакалъ, такъ что у меня искры сыпались изъ глазъ. Что съ тобою сдѣлалось? спросилъ я, едва переведя духъ. «Здѣшній баринъ держитъ станцію. Онь и подумаетъ, что это его лошадей такъ гоняютъ.» — Но чтожь тебѣ отъ этого? — «Да такъ, пускай посердится.»

Въ Судиславль прїѣхали мы уже поздно вечеромъ. Я расположился въ избѣ, и велѣлъ поставить самоваръ. Чисто, опрятно, и все есть, что ни спросишь. Какъ пріятно найти порядокъ, гдѣ бы то ни было. Старуха прислужница насытила меня такъ, какъ я давно уже не смѣялся, разумѣется внутренно. Начать съ того, что всѣ нужныя вещи подавала она съ особенными умилѣнными поговорками: «вотъ вамъ, батюшка, ложечка,» «вотъ и полотенечко,» «вотъ полоскательная чашечка.» Какъ самоваръ вскипѣлъ и я началъ дѣлать чай, она стала передо мною пригорюнясь и повела рѣчу. «А что, батюшко; усадьба у тебя есть?» Нѣтъ, тетушка, нѣту. «А домикъ есть?» Домикъ есть. «Ну, слава Богу, батюшка! и то хорошо. Такъ стало быть ты служишь.» Служу. «Доброе дѣло! И жалованья получаешь?» Получаю. «А много получаешь жалованья?» Довольно съ меня. «Не отдаешь ли и въ наемъ чего изъ домика?» Отдаемъ. «Ну а люди есть свои, батюшка?» Своихъ нѣтъ. «Такъ кто же тебѣ служить—наемные?» Наемные. «Много платишь, родимой?» Не слишкомъ.—Подѣ конецъ вопросовъ словоохотной старушки, я захотѣлъ потѣшить ее и доставить случай поговорить о себѣ. «А у тебя, тетушка, дѣтки есть?» началъ я вопросы, подавая ей стаканъ чаю. Она только того видно и ждала; и отблагодаривъ за чай «о батюшка, на что? ты бы кушалъ самъ, — дѣло дорожное,» пустила свою рѣчу и сообщила мнѣ полныя биографіи своихъ трехъ дочекъ, ихъ мужьевъ, сколько у которой дѣтей, какъ ихъ зовутъ, и проч. и проч. Самоваръ былъ уже пустъ, и ямщикъ пришелъ сказать, что лошади готовы, а старушка моя только что входила въ азартъ, подводя свою че-

тыридцатую внучку, Агаюшу, подъ вѣнецъ. Рассказъ прерваний. «Эка бѣда, бабушка, надо вѣхать, я не узнаю, какъ ты отпировала свадьбу. Ну ужъ мастерица ты рассказывать!» «Да не воротишися ли ты скоро сюда?» Нѣтъ, я по другой дорогѣ пойду. «Такъ видно и быть, корми-лѣцъ!» И мы разстались добрыми друзьями!

Для меня приятно было слышать, между прочимъ, что старушка совершенно довольна своимъ состояніемъ и любить своихъ господъ.

Было поздно, и я, къ сожалѣнію, не могъ забѣхать къ Напуришу, у котораго есть множество Строгановскихъ образовъ. Онъ купилъ ихъ гдѣ-то на сѣверѣ, по слухамъ, въ церкви; уступилъ часть другимъ охотникамъ за большія деньги, но оставилъ еще много и у себя.

15. На разсвѣтѣ увидѣлъ я Галичъ. Прекрасный видъ съ горы! Городъ лежитъ въ лощинѣ, на берегу озера. Съ горы видишь его какъ на блудичкѣ. Поднимающіяся гдѣ-то церквей придаютъ разнообразіе картины. Не удастся ли собрать миѣ здѣсь что нибудь о знаменитомъ Шемякѣ, послѣднемъ противникеъ Московскаго единодержавія, который спикалъ себѣ такую худую славу, а адвоката еще хуже! Однако честь времени, въ которое дурной судья былъ такъ необыкновененъ, что сдѣлался притчею!

Здѣсь было послѣднее сраженіе междуусобныхъ войнъ, здѣсь родился Филиппъ Митрополитъ, Святый, состязавшійся съ Грознымъ; отсюда родомъ и Григорій Огреиневъ, которому пришлось, кажется, даромъ нести на себѣ имя Димитрія Царевича вмѣсто настоящаго самозванца,— самозванецъ по неволѣ!

Въ бумагахъ Калайдовича попадалась миѣ записка, что Отреньевы просили у Михаила Федоровича, кажется, по-зволенія оставить свое имя, и прозвались Нелидовыми, по другой отрасли ихъ рода. Еслибы нашлась эта просьба, то мы получили бы много для заключенія, точно ли

самозванецъ былъ Отрецьевъ или другой кто. Вѣрно тамъ были какія нибудь намеки или даже ясныя указанія. Отрецевы должны были говорить: «изъ нашего рода быть такой-то, и мы не хотимъ называться именемъ, которое быть обезчестиль.» Или: «наша родъ наложено пятно мѣніемъ, будто одинъ изъ насъ принялъ царское имя; и мы просимъ снять это пятно.»

Пошелъ по городу, въ ожиданіи обѣдни. Сколько верстъ до Солигалича? спрашивалъ я кое-кого изъ прохожихъ. Столько-то. А до Вологды оттуда? Не знаетъ никто. Сколько верстъ отъ Галича до Вологды, также не знаетъ никто. «Мы батюшка туды неѣзжали. Вотъ въ Костромѣ такъ бывали: 120 верстъ.»

Въ училищѣ, гдѣ нашелъ своего ученика Смотрителемъ, отыскалъ ландкарты, и кое-какъ сочинилъ себѣ маршрутъ.

Цыпъ крестный ходъ изъ собора въ Пансіевъ монастырь. Отправился съ народомъ. Въ женскихъ нарядахъ много живоиснаго; дѣвичьихъ не видать. Я спросилъ о причинѣ. Дѣвицы стыдятся выходить даже въ Черкіовъ, за то по вечерамъ высыпаются всѣ играть въ хороводы (водить круги) вмѣстѣ съ парнями, что продолжается до глубокой ночи. Мать укоряетъ дочь, если за ней мало волочатся. «Когда это бываетъ особенно?» «Пышече будутъ непремѣнно самые богатые хороводы. Впрочемъ таія гулянья продолжаются почти все лѣто, отъ праздника до праздника. Самое богатое купечество отпускаетъ дочерей своихъ въ круги.» «Чо это опасно для нравственности?» «Не безъ того-то, особенно теперь, когда въ кругахъ начали принимать участіе полковые. Жиды-музыканты— эти злодѣи хуже всѣхъ. Заводятъ и болѣзни.» Такъ обыкновенія самыя невинныя, самыя патріархальныя въ своемъ началь, самыя піитическія (вечеринцы въ Малороссіи) со временемъ ветшаютъ, и дѣлаются источникомъ разврата.

Насилу дотащился я по жару до монастыря. Около ограды стояло множество телегъ, изъ сестричъ деревень. По погоду лежали въ разныхъ положеніяхъ усталые пѣшеходы, которые всѣ вдругъ поднялись встрѣтить кресты. Разнощики съ пряниками, калачами. Полусельская картина. Заглянулъ въ церковь, въ которой нѣть ничего старого. Смотрителю пошадалось много знакомыхъ, и я начиналъ рѣчь со всякимъ, надѣясь чтонибудь выведать о древностяхъ. «Нѣть ли чего у Тапкиныхъ?» сказалъ въ отвѣтъ одинъ. «Огкуда же?» «Послѣ Зиновьевыя Арсения Степановича, который вель записку обо всемъ лѣтъ тридцать.» Понались Тапкины. «Нѣть ли у васъ чего?» «Нѣть ничего.» «Было, да разтащили; вотъ нѣть ли у Сунгуровыхъ, или у Козлова.» Такимъ образомъ всѣ пересыпали другъ отъ друга, но единогласно показывали на Арсения Ивановича Тычинкина, какъ на единственнаго охотника и собирателя, которому отдавали всѣ и все. Кто же такой этотъ Арсений Ивановичъ Тычинкинъ? Здѣшній мѣщанинъ, живописецъ. Послѣ я вспомнилъ, что онъ находится въ числѣ соревнователей нашего Общества Исторического. «Поведите меня скорѣе къ нему.» «Онъ умеръ третьяго года.» «А гдѣ же его бумаги?» «Бумаги его взялъ....» «Не осталось ли чего?» «Можно справиться.

Нѣмецъ Аптекарь, (одинъ на четыре уѣзда) сказалъ мнѣ, что есть золотая монета въ Солигаличѣ, съ изображеніемъ Ивана Васильевича Грознаго. Попросилъ развѣдать.

Не примѣтио никакой надежды узнать здѣсь что нибудь новое; но я рѣшился остаться до вечера, чтобы посмотреть на знаменитые *круги*.

Между тѣмъ мы воротились въ городъ. Добрый мой смотритель послалъ за бумагами къ Тычинкиной, и выпросилъ у купца-сосѣда бѣговыя дрожки сѣзидѣть въ Рыбацкую слободу, къ старику Козлову.

Осмотрѣль стариинный валъ кругомъ города, съ кото-

раго надо бы снять планъ. На крутой горѣ предъ озеромъ показываютъ мѣсто Шемякина дворца.

Старикъ Козловъ принялъ насъ ласково. «Я слышалъ, что вы любите старину, и я до нея охотникъ; не льзя ли полюбоваться что вамъ Богъ пособилъ собрать?» — «Нѣтъ», батюшкa, ничего у меня нѣтъ. Была книга дорогоя, рукописная, на пергаментѣ, да пріятель зажилъ.» — «Какой же пріятель?» — «Онъ уже умеръ лѣтъ десять назадъ.»

На стѣнкѣ висѣла родословная старика степеней на шесть или на семь. Я принялъ хвалить такое уваженіе къ роду, которому въ ихъ сословіи (т. е. мѣщанствѣ) я и примѣра не видывалъ, и старикъ мой разнѣжился. «Можно бы еще продолжить ее степеней на шесть, и Арсений Ивановичъ обѣщалъ мнѣ отыскать въ магистратѣ, да умеръ. Родъ нашъ старинный, лѣтъ триста. Нынче что! Нынче народъ избаловался. Ни обѣ чѣмъ знать не хотятъ. Богъ ихъ знаетъ, изъ чего живутъ.» Я поддакивалъ старику, и онъ продолжалъ: «Ну вотъ хоть бы у насъ въ запрошломъ годѣ было затмение! Что за чудныя знаменія были на небѣ. Палило какъ огнемъ. Листъ весь помертвѣлъ. А никто нигдѣ ни словечка не напечаталъ.» — «Когда же это было?» — «31 Іюля.» — «Или при Французахъ завелась было у насъ зараза. Учредили богоугоденіе, и она прекратилась. Сосѣдъ Иванъ Григорьевъ лежалъ при смерти, дня два безъ языка, а тутъ всталъ какъ ни въ чѣмъ не бывалый; или Федоръ Петровъ, * тоже — изъ гроба почитай поднялся, и никто уже не умиралъ послѣ. А теперь все это забывается. Хотя бы крестный ходъ установить.... Я просилъ, и проч.» Старикъ такъ разговорился, что мнѣ жаль стало разстаться съ нимъ.

Воротясь, мы нашли уже привезенные бумаги Тычинкина: пѣсколько кочерпевыхъ лоскутковъ и писемъ. Видно однажды, что онъ составилъ-было Исторію и описание Я ошибаюсь, кажется, въ именахъ, не разобравъ у себя карандаша.

Галича, которых должны быть теперь у Г. И. — Авторъ, судя по письмамъ, горько жаловался, что сочиненіе его не только не печаталось, но и не возвращалось къ нему въ руки.

Въ училище прѣхаль нынѣ Почетный Смотритель — присутствовать при раздачѣ похвальныхъ листовъ и прочихъ награжденій отличнымъ ученикамъ. Очень приятно было познакомиться съ Г-мъ Ш., который кончилъ недавно курсъ въ Петербургскомъ университѣтѣ. Онъ рассказалъ миъ о Солигаличѣ, и совѣтовалъѣхать прямо на Буй, ибо тамъ древняго ничего нѣть.

Ученые начальники требовали непремѣнно, чтобы я остался у нихъ обѣдать. Долженъ былъ удовлетворить ихъ желанію, хоть и было досадно вмѣсто здѣшнихъ ершикъ, которыми славится Галицкое озеро по всему околотку, быть наказану пеизбѣжными котлетами и бифстексомъ.

Послѣ обѣда былъ актъ. Почель долгомъ почтить ученое торжество. Ученики, по большей части въ кружокъ остриженные, въ кафтанахъ, сидѣли чинно по лавкамъ. Штатный Смотритель прочелъ имена, Почетный раздалъ награжденія. Я спросилъ, не хочетъ ли кто переходить въ Гимназію? Никто.

И никогда почти не бываетъ охотниковъ. Развѣ изо-ста одинъ, судя по тому, что я слышалъ во всѣхъ училищахъ.

Кстати я скажу нѣсколько словъ о всѣхъ. До старшаго класса, при всѣхъ просьбахъ учителя, едва доходитъ десятая или даже двадцатая доля. Родители, городскіе мѣщане, берутъ ихъ, лишь только они выучатся грамотѣ; большие имъ ничего не надо. Дворяне, Чиновники везутъ дѣтей своихъ въ губернскій городъ съ самаго начала, не теряя, чтобы они сидѣли на одной лавкѣ съ оборванными, босоногими ребятишками улицъ.

Какимъ образомъ захотить теперь этихъ бѣдныхъ людей, чтобы они оставляли своихъ дѣтей оканчивать по крайней мѣрѣ курсъ уѣздныхъ Училищъ? Эта обязанность лежитъ на насъ, на ученомъ сословіи. Правительство учре-

дило училища, содержить учителей, даетъ деньги на библиотеки, обезпечило семейства, а болѣе оно не можетъ сдѣлать ничего. Мы, мы, чтобы доказать нашу глубочайшую благодарность за его отеческія попеченія, обязаны, вмѣсть съ Духовенствомъ, позаботиться о средствахъ распространять данное намъ просвѣщеніе, и доводить его до низшихъ слоевъ общества, погрязающаго теперь по городамъ въ невѣжествѣ самомъ грубомъ и дикомъ.

«Отъ чего такъ мало учениковъ въ старшихъ классахъ?» спрашивалъ я всѣхъ учителей и смотрителей, и получалъ одинъ отвѣтъ: «не хотятъ, невѣжды, не понимаютъ ученья, не цѣнятъ.» Нѣть, друзья мои, не въ томъ заключается причина. Учимъ ли мы такъ, чтобы хотѣли у насъ учиться? Русскій человѣкъ толковитъ. Не можетъ бытъ, чтобы онъ не понять пользы ученья, если она покажется ему ясно, такъ, чтобы онъ могъ ощущать ее. Пользу чтенія и письма онъ понялъ, и теперь вы не найдете почти ни одного безграмотнаго между молодежью въ городахъ.—Вы даете ему такія свѣдѣнія, въ которыхъ онъ не видитъ нужды, напр. о Семирамидѣ и Сарданапалѣ, о Калькуттѣ и Александріи,—мудрено ли, что отецъ берегъ сына изъ училища и сажаетъ его за прилавокъ! Но разскажите-ка ему, (не по гимназически и не по университетски) объ его городѣ, объ его губерніи, о столицахъ, о судахъ, о сословіяхъ, о торговлѣ, о промышленности, объ естественныхъ произведеніяхъ, и вы увидите, что не только дѣти, но и отцы придутъ васъ слушать! Простѣе, простѣе, какъ можно, и ближе къ дѣлу, къ жизни!

Учитель спросилъ при миѣ въ одномъ училищѣ мальчика: два изъ семи сколько останется? Пять, отвѣчалъ безъ запинки малютка. Но какая хирургическая операција нача-лась надъ его головенкою, когда дѣло дошло до того, что такое пять: вычитаемое или разность. Разъ десять повтор-

рены были вопросы, и всякой разъ то пять сказывались разностию, то два вычитаемы.

Еслибъ я быль учителемъ Словесности, то ничего не стала бы дѣлать съ дѣтьми, какъ только читать имъ — басни Крылова, Хемницера, Дмитрева, съ толкованіями, новѣсти или отрывки изъ новѣстей Загоскина, Луганскаго, Лажечникова, Гоголя, комедіи, трагедіи, и почель бы себѣ обязанностю возбуждать только любопытство, внушать охоту къ чтенію, заставляль бы учить ихъ безирестанию наизустъ, но не грамматику, а Карамзина, Пушкина, Жуковскаго, пріучалъ бы ихъ ухо къ благозвучію, образovalъ бы ихъ вкусъ. Подъ конецъ курса мнѣ легко было бы уже поразобрать ихъ свѣденія, и показать различія въ словахъ, для того, чтобы они выучились правильно писать.

Еслибъ я быль учителемъ Исторіи, то началь бы съ своего города: городъ нашъ Галичъ, или Ростовъ, или Бѣлозерскъ,—городъ старой; давно уже стоитъ на этомъ мѣстѣ; ему лѣтъ сотъ пять или болѣе; онъ прежде быль больше или меньше, богаче или бѣднѣе, но случились разныя обстоятельства, которыя привели его къ этому лучшему или худшему положенію. Съ самаго начала онъ принадлежалъ къ такому-то княжеству, ибо наша Русь была тогда раздѣлена такъ то, и вотъ что случилось у насъ примѣчательнаго. Вотъ какіе люди родились у насъ: Филиппъ Митрополитъ. Мощи его почивають въ Москвѣ. Вотъ быль настыры! Это введеніе, а теперь разскажу я вамъ по порядку, что у насъ случилось. Отъ своего города легкой и естественной переходъ къ своему княжеству, а потомъ и ко всей Русской Исторіи. Но прежде всего я старался бы также возбудить охоту къ Исторіи. Вотъ что всего важнѣе для учителя уѣзданого, гимназическаго, университетскаго—разшевелите сердце, возбудите охоту, а прочее все и безъ насъ пойдетъ своимъ чередомъ. Я прочиталъ бы имъ съ толкованіемъ анекдоты изъ жизни Петра Великаго, рассказалъ бы Исторію 12 года,

чанистей Татаръ, Поляковъ, біографії какого нибудь Суворова, Ломоносова, или читаль бы имъ мѣста изъ Исторіи Карамзина, Данилевскаго, Глинки, и тому под.

Вы теперь много знаете — теперь приведемъ въ порядокъ, по годамъ, хронологически.

Русское наше Государство старо, но есть и еще старшее — единонлеменныя намъ Славянскія такія-то, а вотъ и ирочія Европейскія. Отять чтенія — изъ Исторіи Крестовыхъ походовъ, жизни Колумба, Наполеона, и тому под. Все это государства Христіанскія; но прежде Христа, прежде новаго міра, былъ древній. Здѣсь одинъ Плутархъ доставитъ пріятнѣйшаго занятія мѣсяцевъ на шесть.

Въ Географіи также я началъ бы съ своего города: нашъ городъ находится на Бѣль-озерѣ. Мѣсто у насъ высокое, которое по сторонамъ, по чрезъ пѣсколько сотъ верстъ опадаетъ, и продолжается равнинами. Отъ насъ выходятъ рѣки. Наše возвышеніе соединяется съ такимъ-то, откуда также идутъ рѣки. Наše озеро бурно — вы знаете, вотъ отъ чего. Въ немъ ловятъ много рыбы такой-то, которая продается повсюду. У насъ много рыбы, но мало вотъ чего, и это получаемъ мы оттуда. Сообщенія наши вотъ какія.

Русская Географія соединилась бы со всеобщею и заняла бы пріятнѣйшимъ образомъ дѣтей. Путешествія сдѣлались бы любимымъ ихъ чтеніемъ — а сколько ихъ можно выбрать!

Еслибъ я быль законоучителемъ, то читаль бы имъ безпрестанно Евангеліе. Что за славныя вещи есть въ церковной Исторіи древней и новой!

Кончивъ 25 лѣть своей профессорской службы, я неизпременно на годикъ-мѣста сдѣлаюсь уѣзднымъ Учителемъ или Смотрителемъ, куда я и сбирался однажды, и уверенъ, что этотъ годъ будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ, если Богъ поможетъ. Я говорилъ теперь, что попалось мнѣ съ перваго взгляда; но на мѣстѣ, видя предъ собою безпрестанно своихъ сюжетовъ и пациентовъ, разумѣется

я привелъ бы въ порядокъ свои мысли, получилъ бы многа новыхъ, и написалъ бы, можетъ быть, порядочное наставлениe учителямъ на будущее время.

Возразить: гдѣ взять такихъ учителей, которые поняли бы, въ чемъ дѣло. А я отвѣчу: поймутъ всѣ, лишь толькокъ имъ разстолковать хорошо, въ чемъ дѣло. Экзамены, (прекрасное сначала учрежденіе), губятъ насъ, сдѣлавшись цѣлью ученія, а не средствомъ!

Въ училищахъ учатся мальчики лѣтъ по 15 и 16. Помилуйте, чего нельзѧ имъ разстолковать. Но теперь, теперь они у насъ мученики грамматики, какіе до насъ были мученики Часовника и Псалтиря.

Уѣздному мальчику можно и должно сообщать свѣдѣнія о сословіяхъ, о судахъ, о дѣлопроизводствѣ.

Изъ училища пошли мы къ протоіерею, Магистру Петербургской Академіи. Замѣчу, что Петербургскіе воспитанники имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, нежели Московскіе. Не случилось мнѣ еще встрѣчаться съ Кіевскими.

Чистенькія, опрятненькія комнаты,порядочная библіотека, и радушие угощеніе.

Разговоръ завелъ я о нравственности жителей. Она упадаетъ вездѣ по городамъ. Замѣчательно, что здѣшніе жители указываютъ все на Устюгъ: «такъ въ Устюгъ». Доказательство древняго сношенія этихъ городовъ: Галичъ, Сольга чичъ, Вологда, Устюгъ, Бѣлоозерскъ, Новгородъ, Холмогоры, а по сторонамъ Гана и Сибирь, — вотъ иѣкогда міръ торговый, живой, разнообразный, который уничтоженъ Петербургомъ, давшимъ торговлю новую жизнь и другое направлениe.

У насъ не достаетъ духа общежитія: сколько лицъ во всякомъ городѣ, которые могли бы доставить другъ другу много удовольствія, но иѣть: они лучше любятъ скучать врозь, чѣмъ утѣшаться вмѣстѣ. О Славяне!

Ожиданіе мое не состоялось: круговъ очень мало, потому что завтра праздникъ и тѣперь начнется всенощная. Прошелъ по улицамъ. Пошлись два круга, очень немногого-

численные, пенарядные и монотонные. Кругъ или хороводъ тихо обрачиваются, едва передвигая ноги. Посрединѣ ходить дѣвушка или парень, который старается прикоснуться къ кому либудь изъ играющихъ, и прикосновенный занимаетъ его мѣсто. Вотъ и все. Нѣть ни пѣсень, ни рѣчей.

Обыкновенно кругъ выступаетъ съ края большой улицы, идетъ вдоль ея, безпрестанно увеличивается, возобновляется, поеть, потомъ развязывается, идетъ по два въ рядъ, поворачивается въ сосѣднія улицы, переулки, соединяется съ другими, и такимъ образомъ гулянье продолжается до свѣту. Дѣвицы разряжены всѣ, какъ у насъ на балахъ; костюмы прелестныя: сарафаны, наслоны.

Разспрашивалъ я объ Отрепьевѣ — нѣть ни единаго слова. Это примѣчательно: еслибы самозванецъ былъ Отрепьевымъ и это было известно народу, то непремѣнно, кажется, имя его осталось бы хоть бранью, какъ имя Мазепы. Видно, что современники не вѣрили или скоро разувѣрились въ этомъ сочиненіи, и оно не пустило корней въ сознаніи народпомъ.

Фамилія Нелидовыхъ здѣсь очень многочисленна.

Никто не умѣлъ мнѣ сказать ничего о дорогѣ изъ Солигалича въ Вологду. Судя по некоторымъ показаніямъ, выходитъ, что надо опять возвращаться на Буй, и потому я рѣшилсяѣхать прямо, тѣмъ болѣе, что Г. Щ., помѣщикъ Солигалицкій, охладилъ меня совершенно рассказами о своемъ городѣ.

Разспрашивалъ о вещахъ, найденныхъ въ селѣ Туровскомъ—онъ посланы въ Москву къ И. А. Бестужеву. Хотѣлось осмотрѣть имѣніе покойнаго И. П. Свиридина, которое досталось теперь Г. Жадовскому вмѣстѣ съ его библіотекою; но мнѣ сказали, что видѣть ее, безъ владельца, нельзя.

комцемъ Преподобнаго Сергія, крестившимъ многихъ дѣтей у Димитрія Донскаго. Поклонился его праху, и образу, который, вслѣдствіе особаго откровенія, былъ посыпаемъ отсюда къ Иоанну Васильевичу во время похода его подъ Казань въ 1503 году. Слѣд. древность около 350 лѣтъ этому образу известна исторически, но, вѣроятно, онъ написанъ шотландъ по причинѣ Димитрія къ лицу святыхъ, вскорѣ по его кончинѣ, въ началѣ 15 столѣтія. Другой образъ его споль же древній, швейцарій, висинъ въ олтарѣ.

Вопль подъ спудомъ моши Св. Ігнатія, сказалъ проводникъ. Какого Игнатія? Это былъ сынъ, какъ доказался я послѣ, Князя Андрея Васильевича, который, вѣщавъ съ братомъ Димитріемъ, сосланъ былъ Иоанномъ III въ Прилуцкій монастырь, здѣсь поспригся, и прославился чудотвореніями. Исторія слишкомъ рано пошла сего изъ виду.

Въ ризницаѣ есть много древнихъ крестовъ, складней съ мощами, рѣзныхъ образовъ отличной работы, принадлежавшихъ, вѣроятно, племяннику Иоанну III, и полученныхъ въ наслѣдство послѣ Темнаго, Донскаго, Калины.

Принялся разсматривать сундуки съ книгами. Послѣ нѣсколькихъ церковныхъ рукописей выпаскаю одну, въ древнемъ переплѣтѣ... Хараштейная.. развертываю... первое слово попадаешься подъ глаза Мстиславъ, попомъ Изяславъ.. я такъ и обмеръ опять радости, колына у меня подогнулись.... Вѣрю какая нибудь лѣтопись: гдѣ же могутъ случиться такія имена? Но у меня не было силы перевернуть листы и посмоѣть на ея начало.... съ трепещущимъ сердцемъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, подаль я рукопись Преосвященному, и едва могъ выговорить: Мстиславъ, Изяславъ. Онъ началъ перелистывать. Я опомнился, и послѣдовалъ глазами. Увы! это только житіе Бориса и Глѣба среди поучительныхъ словъ и житій. Вирочемъ рукопись древняя и примѣчательная. Житіе не Несторова сочиненія, а другое, о которомъ я писалъ въ своемъ изданіи. Не могъ разбирать болѣе, и съ горя опправилъ

ся въ слѣдъ за Преосвященнымъ къ Архіепископу Иринею, который здѣсь живешъ на-покой. Онъ сообщилъ иѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, гдѣ онъ служилъ долго, и разбиралъ права собственности по древнимъ грамотамъ. Преосвященный родился въ тѣхъ спринахъ и поскученъ по своей отчизнѣ.

Осматривалъ кладовыя монастырскія съ сундуками древнихъ бумагъ, въ пыли, подъ хламомъ, съ запертыми оконцами, въ шакомъ воздухѣ, гдѣ, кажешся, задохнуться можно. Бѣрно здѣсь найдется еще много любопытнаго! Если иѣсколько вещей, принадлежащихъ къ древнему оружію.

Думалъ дорогою о Всероссійскомъ музѣѣ. Что если бы собрали древнія вещи, одѣжды, оружія, рукописи, образа, изъ всей Россіи, (разумѣется только изъ захолустьевъ, куда никто не ъздитъ, и гдѣ онъ лежатъ безъ употребленія), расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ въ какомъ-нибудь зданіи Москвы, напр. Оружейной Палатѣ. Какое было бы величественное и поучительное собраніе! Мы увидѣли бы тогда ослазочи, чи то оицы наши были не шакъ просты и грубы, какъ мы, среди своего ученаго невѣжества, объ нихъ предполагаемъ. Сколько разсыпано всякихъ драгоцѣній по лицу всей Россіи, гдѣ онъ лежашъ безъ употребленія и пользы! Кому напримѣръ придется охота ъхватить въ Прилуки, (и даже въ Вологду), смотрѣть на шакуюю примѣчательную рукопись, или рѣзный крестъ, или пелену. Тогда только какъ всѣ подобныя вещи будуши хранишися вмѣстѣ, можно будешь написать испорюю художествѣ въ Россіи, Испорюю частной жизни и проч.

20. Гимназія просила пынѣ Преосвященнаго о посвѣщеніи, и онъ пригласилъ меня ъхать съ собою, чему я былъ очень радъ.

Ученики были всѣ собраны въ залѣ актовъ и спояли въ порядкѣ съ учительями въ полныхъ мундирахъ. Лишь только показался Преосвященный, встрѣченный на крыльца Инспектиромъ, какъ раздалось привѣтствіе, прекрасно положенное на попы:

жалъ видно къ грамотному товарищу, и чрезъ минуту воротился. «Сей часъ будуть лошади, батюшка.» — Они видно совѣтовались прежде, какъ спросить у меня бумаги. Наконецъ лошадей привели и запрягли. Радъ-радъ бытъ, какъ зазвенѣлъ колокольчикъ.

Не далеко отъ Дора, въ селѣ Сидоровѣ, увидѣлъ я церковь деревянную, по такой прекрасной архитектуры, что я заглядѣлся на нее. Каменные церкви наши построены по образцу Греческихъ, а потомъ со временемъ Іоанна III съ Итальянскою примѣсью, — по въ деревянныхъ церквахъ, где онѣ сохранились, должно искать собственно Русскаго стиля. Эта—удивительная.

Вторая половина станціи, до Ивойнова, идетъ лѣсомъ, верстъ на 20. Преутомительная ъзда. Ни человѣка, ни птицы. И безпрестанно повороты. По сторонамъ вѣлся дымокъ изъ угольныхъ ямъ — единственный признакъ движенія. Какъ я обрадовался, выбравшись на поляну передъ Ивойновымъ. Множество крестьянъ и бабъ на работѣ. Убираютъ яровое. За нами побѣжали двое, прося напасть ихъ на дальнѣйший путь. Я очень обрадовался этимъ охотникамъ, которые не спрашивали даже и бумаги, — признакъ гражданской невинности. Между тѣмъ усталый, проголодалый, я радъ былъ отдохнуть и напиться чаю. Расположился въ избѣ будущаго своего ямщика.

Избы здѣшнія отличаются отъ нашихъ: они состоять изъ двухъ этажей. Крестьянинъ съ своей семьею живетъ въ верхнемъ, куда ведеть наружная лѣстница, а въ нижнемъ помѣщаются мелкая скотина, бережется зимою хлѣбъ и квасъ, потому что тамъ не мерзнетъ (голбецъ). Въ одной связи находится и повѣтъ рядомъ съ жилою избою, отъ коей отдѣляется сѣнями. Повѣтъ есть просто сарай, гдѣ стоятъ телѣги, сани, лежитъ всякая упряжь. Крутой вѣздъ съ другой стороны избы. Подъ повѣтъемъ хлѣбъ для скотины.

Пока вскипалъ мой дорожный самоваръ, обошелъ съ своимъ хозяиномъ все его жилище. Оно просторно и у-

добно. Здѣсь все подъ руками; это большая выгода, но таиня строенія возможны только тамъ, гдѣ много лѣсу и земли.

Изба еще топилась. Баба сажала хлѣбы въ печь, а между тѣмъ поджаривались у нее лепешки. Двое мальчишечъ, высуня языки, скакали на одной ножкѣ подъ печь, и дожидались пока мать выпечь лепешки. Первшую она предложила мнѣ: «не въ угоду ли отвѣдать нашего хлѣба-соли.» Поблагодарила ее.

Я взялъ, и, отвѣтывая, сказала ей: «Славныя лѣпешки — да никакъ онѣ изъ ситной муки?» Баба усмѣхнулась. «Изъ ситной!.. Наготовившись изъ ситной ветъ для этихъ стригуновъ, (указывая на мальчишечъ). Благодарить Бога и на томъ, что для праздника просвѣла сквозь рѣшето, да почаще! Богачи и сластолюбцы! понимаете ли вы различіе между хлѣбомъ просвѣннымъ сквозь сито, и хлѣбомъ просвѣннымъ сквозь рѣшето. Вотъ еще новая тонкая постепенность, — сквозь рѣшето почаще!

Да! сытый голоднаго не разумѣеть, говоритъ пословица: живя въ гордѣ, въ довольствѣ и обилии, и зная нужду, голодъ, только по лексикону, въ отвлеченіи,—трудно переноситься въ крестьянской бытѣ и понимать издали его горе и радости. Но эта баба, которая стояла передо мною и съ такимъ торжествомъ, рассказывала о своемъ рѣшетѣ почаце, которая такъ довольна была своей возможностію, и увѣрена, что больше и желать ничего нельзѧ, тронула меня до слезъ.... Ты улыбнешься повсое, твердое, гордое ноколѣніе.... извини меня, я принадлежу къ старому, я воспитанъ на Карамзинѣ, и.... и вставалъ когда-то самъ голодный изъ-за убогой отеческой трапезы въ первые годы послѣ нашествія Французовъ.

Мать одѣяла ребятъ по лепешкѣ. Отецъ сѣлъ на лавкѣ подъ оконикомъ, и началь со мною разговаривать свободно, спокойно, благородно. Видно было, что это хо-

злишъ въ своемъ дому, что онъ доволенъ своимъ состоя-
ніемъ не чувствуетъ ии какой нужды, и ни кого не боится.

Между тѣмъ вошелъ молодой парень, который привезъ меня; онъ помолился Богу передъ первымъ угломъ, поклонился на все стороны и сѣлъ.

— «Ахъ, дитятко, ты перезябъ. Съѣшь-ка горяченькаго!» сказала баба, подавая ему лепешку. Нарень подошелъ и поблагодарилъ ее. «Который годъ тебѣ?» «Шестнадца-тый.»

Никогда, смотря на изящное произведение древняго ваяція, не получаль я такого полнаго впечатлѣнія, такого яснаго понятія, о.... не приберу вдругъ Русскаго слова.... о томъ свойствѣ, что Французы называютъ *eandeur*,—какъ теперь, видя предъ собою этого молодаго крестьянина въ нагольномъ туулунѣ, который только что теперь отпрягъ лошадей и заткнуль за поясь кнутъ! Столько было скромности въ его движеніяхъ, стыдливости девнической въ его взглядахъ, какой-то робости въ его тихой, разстановистой рѣчи, сколько невинности въ его тонкомъ голосѣ!

Казалось, передо мною сидѣлъ тотъ юноша, о кото-
ромъ боялся Пушкинъ, чтобы опять на войнѣ не утратилъ

Скромность робкую движеньй,

Прелесть щеки и стыда.

Бѣдность, нужда, вотъ что развращаетъ сначала народъ, и приводить его потомъ со ступени на ступень къ кабаку и пронасти, надъ коей кружится голова, темнѣеть въ глазахъ. О, много надо подумать, прежде не жели осудить какого нибудь мужика-пьяницу, или воралакея. Татары причинили вѣковѣчное зло нашему народному характеру, наложивъ свое тяжелое иго и пріучивъ къ низкимъ хитростямъ рабства.

Разговоръ у насъ начался съ ихъ управления. «Довольны» батюшко; совершенно довольны. — И набольшій начальникъ хорошъ, и помощникъ его также. — Это было казен-

ное селение. «А мужички у вась каковы?» «Тихие; батюшко, сказать что тихие; мы вѣдь живемъ въ глухи.» «А со-сѣди ваши?» И сосѣди тихие. На Ночь (то есть къ Свѣту) душа соть пять есть такихъ же, и къ Полудни пять соть.» «Какъ у вась хлѣбъ родился?» «Порядочной, да вотъ работѣ-то одолѣла теперъ: прибѣгнѣсь какъ собака, разсушнѣся. Какъ господскіе-то посыпаются, сердечные, я уже и ума не приложу.»

Два часа, проведенные много въ этой глухой деревнѣ, среди лѣсовъ, между Костромою и Вологдою, принадлежать къ числу самыхъ пріятныхъ, самыхъ сладкихъ въ моемъ краткомъ путешествіи. Минѣ казалось, что я какимъ-то волшебствомъ очутился среди древняго Славянскаго илемени, до Рюрика до государства, до просвѣщенія съ Латинскою грамматикой, въ правахъ патріархальныхъ и чистыхъ, близко природы.

Да сохранить вась Богъ, добрые люди, въ вашей чистотѣ и патріархальности, и да посылаетъ къ вамъ всегда добрыхъ становыхъ приставовъ и окружныхъ начальниковъ, какихъ имѣете теперъ! Я простился съ ними какъ съ друзьями!

Крестьянинъ, который повезъ меня, былъ въ этомъ же родѣ, но простѣе, а въ рѣчи его было менѣе благородства. Онъ величалъ моего хозяина по имени и по отчеству, (кажется Иваномъ Пиконовичемъ), и говорилъ безъ умолку. Сорокъ верстъ провезъ онъ меня до Грязовца. На половинѣ дороги лошадь зашибла ногу камнемъ, и онъ пріоныль, гореваль уже вилоть до города; видно было, что его благосостояніе подверглось опасности.

Отъ Грязовца до Вологды еще сорокъ верстъ. Имя Грязовца напомнило мнѣ вдругъ статью, которую читалъ ребенкомъ тридцать лѣтъ назадъ въ Русскомъ Вѣстнике С. Н. Глинки, о геройской смерти Генерала Мазовскаго, (подъ иѣю было подписано Грязовецъ). Со всякою верстою я считалъ приближеніе свое къ Вологдѣ, гдѣ ожидало по-вое, сладкое удовольствіе увидѣться съ Преосвященнымъ.

Иннокентіетъ, котораго благосклонностю такъ давно имѣю счастіе пользоваться.

Уже смерклось, а мы были еще далеко, и нетерпѣніе мое увеличивалось. Я обѣщалъ хорошую водку ямщику. Наконецъ вѣхали мы въ городъ. Огни еще видны въ оконикахъ. Улицы показались мнѣ предлишними. Тѣхали мы — тѣхали, наконецъ поворотили—передъ глазами высокая каменная стѣна съ узенькими окошками, въ родѣ Пе-ронны Лудовика XI; луна чуть озаряла ее томнымъ своимъ свѣтомъ. Поворотили еще,—и ямщикъ остановился «Пріѣхали,» сказаъ онъ. Я всталъ и началь стучаться потихоньку, опасаясь разтревожить домъ. Никакого отвѣта. Началъ стучаться еще громче. Тоже молчаніе. Обошелъ кругомъ. Вездѣ заперто, ни одного окна наружу и ничего не слышно. Соборъ стоялъ одиноко, въ мрачномъ своемъ величіи. Походилъ—походилъ. Дѣлать нечего — началь стучатьсяшибче, — и чрезъ полчаса послышалася тяжелая походка сторожа, гремѣвшаго ключами....

Послѣ нѣсколькихъ переспросовъ, онъ отворилъ мнѣ дверь, и передъ мною открылся просторный дворъ, поросшій травою, окруженній мрачными здачіями. Точно какъ будто разыгрывалась сцена изъ Кентенъ-Дюрварда. Сторожъ указаъ мнѣ вдали лѣстницу. Я прошелъ по двору одинъ, взобрался въ темнотѣ по лѣстницѣ, еще постучался.... вышелъ келейникъ. «Преосвященный почиваетъ?» «Нѣтъ еще.»—«Прошу васъ доложить — такой-то.»—«Ахъ, милости просимъ! Преосвященный давно васъ дожидается.» Онъ оставилъ меня въ огромной комнатѣ, въ которой со всѣхъ стѣнъ устремили на меня взоры Вологодскіе Архіереи.... но чрезъ минуту вышелъ Преосвященный Иннокентій,—и день мой кончился также сладко для меня, какъ и начался.

Преосвященный потребовалъ непремѣнно, чтобы я остановился у него въ домѣ.

(Продолженіе будетъ).

Погодинъ.

изъ Нерчинска.

Отрывокъ изъ письма.

... Не болѣе двухъ дней воротился я изъ продолжительного путешествія по Нерчинской округѣ, гдѣ въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ мѣсяцовъ обѣхалъ 2500 верстъ.

Нашъ Округъ дѣлится на три управленія: Горнозаводское, Пограничное и Губернское. Я исчертилъ ихъ во всѣхъ возможныхъ направленихъ. Началь съ заводомъ и рудниковъ, осмотрѣлъ горное производство, познакомился съ механизмомъ нлавильныхъ фабрикъ и промываленъ, заглянулъ въ глубь горъ, спустившись въ шахты Акатуевскаго, Алгачинскаго и Воздвиженскаго рудниковъ, изъ коихъ въ послѣднемъ толща земли, находившаяся надо мною, составляла 50 сажень перпендикуляра. Тутъ въ глубинѣ земли, далекой отъ дневнаго свѣта и освѣщаемой огнемъ факеловъ, видѣлъ я таинственную организацію нашей планеты: блестящія струи свинцовой руды, облитыя марганцемъ, тянулись въ разныхъ направленихъ безъ начала, безъ конца; сталактиты висѣли великолѣпными кистями; а стукъ орудій, гулъ воды, бѣгущей штолнею, скрипъ водоемныхъ машинъ напоминали мнѣ могущество человѣческаго разума и силу его воли.

Потомъ перѣхалъ я на границу, и тутъ новыя картины, новая жизнь, своя поэтическая сторона. Степи какъ море, озера какъ степи! Вотъ Аргунъ старушка, вотъ баснословный Китай за нею, его горы, долины, лѣса! Вотъ блѣютъ войлочные юрты остроглазыхъ Монголовъ, пограничной Китайской стражи! Вотъ — чу! вѣть вѣтеръ оттуда, и въ этомъ однообразномъ колыханіи воздуха слынчится гнилой запахъ, предсказывающей смерть поднебесной Имперіи. Но Исторія, развѣ нѣть здѣсь Исторіи?... Я былъ на могилѣ Чингись-Хана, откуда взять камень съ Монгольскою надписью и перевезти въ Петербургъ. Тутъ на устьѣ пади Каркиры я поклонился праху грознаго Темучина. Далѣе: заглянулъ

Она пляшетъ, — не пляшетъ, порхаетъ;
 Вьсится въ воздухѣ снаизъ легче гепія сна.
 Вся она, вся она, какъ живая спруна,
 И дрожитъ и звучитъ — въ звукахъ шаенъ.
 За одинъ поцѣлуй знайный, оспрый ся
 Жизнь онѣдамъ я на вѣчную кару....
 Я не знаю Зенгару люблю-ль, нѣниъ ли я,
 Я не знаю люблю-ль я Зенгару.

Бд.

Мюнхенъ.

XI.

В О Л Н А.

„Скажи миѣ , мущная волна ,
 Куда несешься ты ?“
 — „Я , жизни грѣшная волна ,
 Бѣгу опѣ суевны
 Жинейской , изъ далекихъ спранъ ,
 Въ неизмѣримый океанъ :
 Тамъ опідохну на волѣ я ,
 Тамъ будеши миѣ покой ,
 Тамъ сброшу , смою я съ себя
 Позорный прахъ земной.“

Θ. Миллеръ.

ВОЛОГДА.

(Продолжение Путевых Записокъ, см. Москвитянинъ, 1841 г. № 10).

17. Прошулся въ прекрасной огромной комнатаѣ, спалько чи то онѣдѣланий и назначеннай быши кабинетомъ Преосвященнаго. Оконъ 12 на три стороны. Изъ однихъ виденъ Соборъ, изъ другихъ поле и часинъ города. Въ углу передо мною стоялъ большой образъ Троицы, древняго письма. Подхожу къ нему.. чи то же?.. Эшо шопъ исторический образъ, съ Зырянскай подписью, о копоромъ спалько былописано въ спашъ Евгения о Древносияхъ Вологодскихъ и Зырянскихъ, въ Вѣснице Европы, 1815 или 14 года. Подпись сославляещъ единственныи почти памятникъ Зырянского письма.

Какъ Археологъ, помолился предъ нимъ съ большими усердіемъ.

Ударили въ колоколь, и я поспѣшилъ къ обѣдинѣ въ Соборъ; народу было множесиво — изъ всѣхъ званій: чиновники, дворяне, купцы, мыщане, крестьяне.

Предъ окончаніемъ обѣдинѣ Преосвященный вышелъ изъ Царскихъ вратъ, и осипавшись на амвонѣ, началь говорилъ: «Слышиали-ль вы, брашіе, громъ? Видѣли-ль вы молния?» Всѣ мы изумились, не понимая, чи то значитъ вопросъ. «Громъ прогремѣлъ въ эшомъ храмѣ. Молния блеснула здѣсь: эшо слова изъ прочитаннаго нынѣ Апостола. Аще кто не любитъ Господа нашего Иисуса Христа, да буденъ проклятъ. Не любитъ Христа шопъ, чи то и проч.» Проговоривъ минутъ десять онъ заключилъ: «брашіе, обращиши внимание на эши слова; небо и земля преайдутъ, а они не преайдутъ.»

Послѣ обѣдинѣ иѣсколько почетныхъ гражданъ собрались въ его кельи,—разговоръ коснулся ипоничасъ до слышаннаго слова. «Съ дороги я не успѣлъ ничего сообразить для нынѣшнаго дня,» сказалъ Преосвященный, «и

принесъ-было вамъ печатную книгу — прочесть пре-восходное исполнованіе молитвы: Онче нашъ, Москов-скаго Митрополита Филарета, какъ вдругъ слова Пав-ловы при слушаніи Апостола поразили меня, и я рѣшил-ся вкратцѣ обратить на нихъ ваше вниманіе.«

Разговоръ обратился на Апостола Павла, котораго жизнь иѣкогда писалъ Преосвященный: «Онъ объяснилъ иѣсколько недоразумѣй, предложенныхъ госплеми, напр. обь отношенихъ Павла къ Пепиру. Попомъ много говорено о Соборѣ, основанномъ Иоанномъ Грознымъ, въ то время какъ онъ памѣревался перенести свое пребываніе въ Вологду, и жилъ здѣсь года три (1566—1568), выѣзжая изъ рѣки въ любимый свой Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Мысль для его временіи не безоснователь-ная, замѣтилъ Преосвященный; Вологда, многолюдная и богата, могла быть центромъ его владѣній, на торговомъ пути между Сѣверомъ и Сибирью.

Это правда, Новгородъ, Тверь, Устюгъ, Нижний, Москва — починъ правильный кругъ около этого центра. Но прусосинъ его очевидна въ этомъ памѣреніи: избирая Вологду, онъ показывалъ, какъ боялся Поляковъ и Татаръ, и какъ мало думалъ о возвращеніи природ-ной нашей Малороссіи и Бѣлоруссіи. Ему становилось спрашно и въ Вологдѣ, и онъ велѣль гоновить лодки и другія суда для отъезда въ Поморскія страны. Но тогда же случился въ Вологдѣ моръ, и Грозный поѣхалъ назадъ въ Москву.

Здѣсь есть любопытное преданіе: когда Соборъ былъ конченъ, и Иоаннъ пришелъ осматривать его, камень сверху упалъ ему почки на голову. Грозный вос-кинулъ гневомъ, побѣжалъ вонъ, и велѣль въ ту же минуту сломать Соборъ до основанія. На силу уже духовенство и царедворцы могли умолить его обь от-мѣнѣ повелѣнія. Однако Соборъ иѣсколько лѣтъ не былъ освященъ (*).

(*) Я получилъ послѣ и письмо отъ Г. Савицова съ этимъ преданіемъ:

Предложены были разныя мнѣнія о происхожденіи имени Вологда — оно волока, вологи, Волхова, Волошовъ, Володи. Далѣе говорили — о Губерніц, которую помѣло — что осмотрѣли Губернаторъ и Архіерей. Они обмѣнялись своими замѣчаніями, а слушатели узапишили много любопытнаго о разныхъ ея частяхъ, и вмѣстѣ о споронахъ соседнихъ, о Сухонѣ, успавленной селеніями среди лѣсовъ, болотъ и пустыней; о Топырь съ

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
Во Насонѣ было городѣ,
Гдѣ доселѣ-было Грозный царь
Основать хотѣлъ престольный градъ
Для свово ли для Величества
И для царскаго могущества;
Укрѣпилъ спѣйной градъ каменной
Со высокими со башнями,
Съ неприступными бойницами.
Посреди онъ града церковь скласть,
Церковь лѣпную соборную,
Что во имя Божьей Матери
Ея чеснаго Успенія:
Образецъ онъ взялъ съ Московскаго
Со собору со Успенскаго.
Спѣни храма поднималися,
Христіане упѣшалися.
Ужъ какъ спали послѣ сводъ сводишь ,
Туда царь самъ не коснѣлъ ходиши ,
Надзираль онъ надъ наемники ,
Что бы Божей крѣпче клали храмъ ,
Не жалѣли-бъ плинѣ красныя
И шой извески горючія.
Когда царь о томъ кручинился ,
Въ храмѣ новоемъ похаживалъ ,
Какъ изъ своду шуповашаго
Упадала плинѣ красная ,
Нопадала ему въ голову ,
Во головушку во буйную ,

запицанимъ монастыремъ въ чеснѣ зnamенитаго опшельника Феодосія, котораго особенно чтинъ вся сѣверная сторона, (одинъ почтенный ревнитель благочестія вызывающія прінесши значительныя жертвы для возстановленія монастыря); обѣ Успеніе Великомъ, богатомъ и цветущемъ, до основанія Архангельска, перенесшій Сибирской торговли; о Сольвычегодскѣ съ ясными еще следами богоизбрания Сирогановыхъ и ихъ величавыхъ запій въ архипекурѣ и живописи.

Досталось иначе и для объясненія Испора: дорога отъ Новагорода къ Сѣверу и Сѣверо-Востоку усыпана горами или холмами, безплодными, болотистыми, лѣсистыми, какъ вдругъ они склоняются къ низовьямъ Двины, и открываясь проспрашная площадь, ровная, зеленая, плодородная, покрытая пучинами пажинами,— такъ чи то Новогородское преданіе о земномъ Раѣ въ энѣхъ сиранахъ могло имѣть основаніемъ разсказы первыхъ пур-

Въ мудру голову во царскую.
 Какъ наше Грозный царь прогибался,
 Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 Закипѣла молодецка грудь,
 Решиво сердце взъярилося;
 Выходилъ изъ храма новаго,
 Онъ садился на добра коня,
 Уѣзжалъ онъ въ камениу Москву,
 На сонъ городъ проклинаючи
 И съ рѣкою славной Вологдой.
 Отъ много проклятия царского
 Машь сыра-земля пряхнулася,
 И въ Насонъ-градѣ гористоемъ
 Спали блаши бывшъ шонучі;
 Рѣка быстра, славна Вологда
 Стала бывшъ водой сплошечю,
 Водой мутною вончечю,
 И покрыла все шиною,
 Скверной зеленью со плеснечью...

тиешественниковъ, пораженныхъ рѣзкою противоположностью. Здѣсь же Пепръ Великій развелъ Голландскую породу рогатаго скота.

Обѣдъ монашескаго пригошовленія, въ общесиинѣ монаховъ, имѣлъ ишакже для менѧ, мірянина, характеръ новоспіи: сваренія въ смятку яїца, овоци, рѣбра, печенѣе. Описаніе мяса было очень ощущенільно.

Осмопрѣмъ Соборъ очень обширный, сходный съ нашими. Сибирская живопись похожа на нашу въ Дѣвицѣ семье монастырѣ. Теперь подновляютъ се, и очень искусно, оживляя иѣсколько цвѣтиа, и и то не вездѣ; проводя черны. Любопытно узиань, хорошо ли и долго ли сбережешиа поправка. Въ шакомъ случавъ надо бы обнародованіе способъ. Вологодскій живописецъ, сѣдой спа-рикъ, поправился мнѣ очень.

Падъ Архіереями 18 сполѣшія надписи очень кудреваны, напр., на гробъ Имена, сконч. въ 1753 г.

„Преосвященный Именъ здѣ лежитъ иѣломъ,
Въ мірѣ званъ Пепръ Савеловъ, знаниемъ словомъ, дѣломъ,
Слово премудроспію быспѣ въ немъ расшворено
Житієжъ благими дѣлами испещренно;
Полковничій сынъ природы, чрезъ оружье вѣрио
Заслужилъ Капишанскій рангъ, а пошомъ чрезмѣрио
Разженъ къ Богу любовію, спалъ монахъ изрядный
Въ Флоринцевой пустынѣ, всѣмъ быль образъ взглядный;
Такъ Архимандризъ Тольскій, пажъ Ипапскій почлеся,
Такъ сѣмо на Епископовъ прессполъ возведеся
Въ Пепровъ день. Иасль церковь лѣпть 13-шъ безъ мала;
Вся жизнь его въ семдесѧти и пять лѣтѣхъ спала.
Почилъ въ тысяча семьсотъ съ преми въ пятидесятиномъ
Годѣ, Маія во дни съ шесстю въ двадесятиомъ.
Каковъ же Архіерей быль, всякий дознающъ,
Что шакой, каковъ быши подобающъ.
Погребенъ Генгадемъ онъ Преосвященнымъ
Епископомъ Косшромскимъ съ соборомъ священнымъ,
Шашаго-надесяти дня Іюня въ шомъ же годѣ;
Жаль по себѣ немалу оставилъ въ пародѣ.

Старинная наша живопись сохранилась у насъ по мѣстамъ болѣе образной, и должно бѣ ее разсмотрѣть внимательнѣе, воспользоваться ею для той Русской живописи, которая сославшися на ріа desideria. Она дославила много материаловъ и для Исторіи одежды древнихъ Князей, Бояръ, прославленныхъ въ случаѣ изъ ихъ жизни представленахъ въ чудесахъ Угодниковъ, и потому подоб. Примѣчательные образы: Софіи Премудрости Божіей съ огненными лицемъ Спасителя, Успенія Божіей Матери, Спасителя съ ище лежащими Угодниками.

Вечеромъ Преосвященный взялъ меня къ знаменитому старожилу и хлѣбосолу Вологодскому Д. И. Смирину, къ которому приглашено было почти весь городъ. Общество многочисленное, сдѣлавшее бы честь Столице. Я порадовался успѣхамъ нашего общежитія и образования: едва ли частно и памъ разговоръ бываешь занимательнѣе и умнѣе. Первымъ предметомъ были Европейскія новосини: война Англичанъ съ Кипраемъ, представление Аравіи въ управлениѣ Магемета-Али, почтму выгодно ему взяться за нее, отношение его къ Мугамеданской Религіи, отношение Турокъ къ Европѣ, ихъ малочисленность, и принадлежность къ Азіи, система управления Магемета - Али, разсказы разныхъ путешесвіиниковъ, соперничество Англичанъ и Французовъ при Египтѣ и Малой Азіи, судьба Малой Азіи, первенство Европы надъ прочими частями Свѣта, причины ея, сослание Христіянъ въ Турціи, и въ особенности Славянъ, (я замѣнилъ съ удовольствиемъ, что эпопея вопросъ начинается паконецъ мало по малу распространяться въ обществѣ). Подозрѣніе Евреевъ въ умерщвленіи младенцевъ, вновь возобновившееся недавно гдѣ - то въ Европѣ по одному случаю, подало поводъ Преосвященному сообщить любопытныя историческая и археологическая свѣдѣнія, кои все общество выслушало съ живѣйшимъ любопытствомъ.

По пе одинъ чужій дѣла были предметомъ разговора, какъ-то случившіеся по большей части у насъ; иѣтъ,

скоро очередь дошла и до своихъ: много говорено было о корабельныхъ яхсахъ въ Съверной части Вологодской Губерніи, о проложеніи и исправленіи спарыхъ дорогъ, о большомъ проекціи купца Лыпкина для Печерской спра-ны (*), о червѣ, поѣдающемъ озимыя сѣмена, кошорый и въ нынѣшнемъ году грозитъ Вологодской Губерніи. Я не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ, желая больше слушать и знакомиться съ собесѣдниками и предметами ихъ бесѣды.

Угощеніе Русское, спаринное, кошорое начинашть уже пропадать даже въ Москвѣ, покрайней мѣрѣ въ такихъ проспѣхъ патирархальныхъ формахъ. Послѣ чаю споль успавился сластиами, кои заспавили вѣсъ позабыть, что вы въ Вологдѣ; здѣсь были и арбузы, и апанацы, и сливы, и яблоки. Лишь только варенья напоминали о штомъ, и къ большей чеснинѣ, славѣ города; варенье изъ поленики шаково, какому несть подобнаго нигдѣ: благовоеніе преусладительное, не говоря уже о пріятной кислонцѣ, при сладоснинѣ. Справно, чио его не вывозятъ описода никуда. Варенье изъ морошки также очень хорошо. За роскошнѣмъ ужиномъ подавались наливки, изъ этихъ же ягодъ, кошорые восхитили бы запековъ и охопниковъ.

Этотъ день доспавиль мнѣ много удовольствія: я узналь главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Губерніи, услышаль много любопытнаго, получилъ много доказашель сїва, какъ Русь иденъ впередъ, на смошря на затрудненія, на препятствія, неизбѣжныя на пушки государшвъ и народовъ.

18. Разсматривалъ матеріалы, собранные Преосвя-щеннымъ Евгениемъ, во время управлениія его Вологодскою

(*) Мне случилосьѣ хатъ съ нимъ однажды изъ Петербурга въ Москву, и онъ сообщилъ мнѣ множество живыхъ прекрасныхъ извѣстій о на-шемъ Съверѣ въ экономическомъ отношеніи. Онъ родомъ Зырянинъ, и говоришъ на этомъ языке.

епархією, для здѣшній Испорії церковной и гражданской, спасишики его времени. Вопь былъ человѣкъ, копорый не могъ пробыть нигдѣ одного дня безъ того, чтобъ не означеновашъ его трудами на пользу Испорії. Повгородъ, Псковъ, Вологду, Кіевъ — онъ наградилъ плодами своей неупомимой дѣятельности. Это было одинъ изъ величайшихъ собирателей, копорые когда-либо существовали. Съ собою не бралъ онъ ни откуда ничего. Гдѣ что собралъ, шамъ-то и оставилъ, приведя въ порядокъ, перемѣнивъ, означивъ откуда что и какъ взято. Это было Русскій Миллеръ. Замѣчу еще особенность въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная положительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Это было какой-то Сиаписчикъ Испорії. Онъ кажется даже не жалѣль, если гдѣ чего ему недоспавало въ Испорії; для него было это какъ будто все равно. Чѣмъ — хорошо, а чего пѣшъ, нечего о штомъ и думать. Никакихъ разсужденій, заключеній.

Въ Вологодской епархії счишається большие семидесяти Угодниковъ Божіихъ, прославившихся своими подвигами и чудесами. Большая часть ихъ принадлежитъ къ 15 и 16 вѣку, періоду основанія Русскаго государства въ настоящемъ значеніи этого слова. Много молитвъ и слезъ положили они въ это основаніе съ своей стороны. Добрая доля основанія! Преосвященный хочетъ посвятить всѣмъ Вологодскимъ Угодникомъ церковь, копорую теперь опредѣляется при Архіерейскомъ домѣ, и сочинить имъ службу. Прекрасная мысль!

Изъ Архіересовъ примѣчательны: Симонъ, копорый, одинъ съ Лазаремъ Черниговскимъ, не хопѣль присущившевашъ на Соборѣ при осужденії Наприарха Никона, Аѳанасій Кондоиди, учредивший Семинаріи, и наконецъ Евгений.

Въ описаніяхъ Ленехииа и Иноходцева, незабвенныхъ членовъ нашей Академіи, и пришомъ Русскихъ, такжѣ есть много любопытнаго. Въ эшомъ собраніи есть и анекдоты, напр. объ одномъ воеводѣ Гороховѣ, кошораго дворянинѣ высокой, сдѣлали приговоръ о смиренїи, выбрали

другаго воеводу, и предспавили Сенату о неспособности первого и объ утверждениѣ послѣднаго.« И это было около 1770 года! Императрица Екатерина II повелѣла оштрафовать своевольниковъ гдомыемъ ихъ жалованье въ пользу наказанного воеводы, который былъ опиниавленъ, но получилъ около 20,000 руб.

Въ грамотѣ Корнильеву монастырю сказано: давать на рыбу изъ Вол. таможенныхъ доходовъ по 5 руб. на годъ безъ Московской волокиты.

Минирополить Спльвеспръ оканчиваетъ извѣстіе Московскими боярамъ о разореніи Вологды Полляками въ 1613 г.: «а все господа дѣлалось хмѣлемъ; пропили городъ Вологду воеводы.»

Обошелъ Архіерейскій дворъ. Точь въ точь Перопна Валщера Скопина, какъ она оспалась въ моемъ воображеніи послѣ чѣпелі Кепшень Дюрварда: стѣны высокія, мрачныя, съ рѣдкими узкими оконцами, почти скважинами, на значительной высотѣ отъ земли. Впрочемъ спроилъ ихъ, говорить, не Грозный. Часинъ городскаго вала оспалась только въ саду Архіерейскимъ.

Прошли по городу, — очень опрятная набережная. Вологда судоходна пошому илько, что шечетъ медленно, а иначе ее переходили-бъ куры: ишише ѣдешь, дальше будешь. Много бульваровъ, но въ городскомъ саду столбы въ заборѣ выше всѣхъ.

Сдѣлалъ визитъ Господину Губернатору, и провелъ часъ съ большимъ удовольствиемъ, получивъ отъ него, какъ Чиновника заслуженнаго и опытнаго, много любопытныхъ свѣденій о гражданской службѣ, ся ходѣ и случайноспахъ.

Оспавивъ его, подумалъ: почему наши высшіе чиновники, между которыми бываещъ сполько людей достойныхъ, оставляя какую нибудь должность, не оспавляютъ своихъ замѣчаний объ ней въ наслѣдство преемникамъ или вообще начальству, которое такимъ образомъ легко могло бы накопить, и даже въ скоромъ времени, полную практическую библіотеку, съ одной спо-

роны въ поученіе вновь опредѣляемыи, а съ другой для собственнаго употребленія.

Профессоръ, напримѣръ, я могу описать вполнѣ описание своей должностіи, что касаєтся до ея спороны оприцательной, всѣ входы и выходы, что опѣ нел пребовать должно и можно, какъ повѣрять, не допускать до злоупотребленія, и тому под.

Познакомился съ Профессоромъ Исторіи Саванишевымъ, и получилъ опѣ него много извѣстій о машеріалахъ, имъ собранныхъ. Есмь очень любопытныи, особенно относящіеся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало. Взялъ съ него слово приговариватъ Вологодскій сборникъ: въ 1-й части его можно будешъ помѣстить всѣ его грамоны, во 2-й извѣстія историческія о городахъ, церквахъ и монастыряхъ, въ 3-й народныя пѣсни, обряды, повѣрья. Молодые люди такъ напуганы нашею легкомысленною и бранчивою криптикою, что боятся явиться и съ дѣломъ предъ публикою, откладываяющъ до пріемкія новыхъ машеріаловъ, гоняющія за полною, совершенствомъ, и переносить спарос. У Г. Саванишова сколько же собрано для Вологды, сколько у Г. Мѣльникова для Нижнаго, и было бы жаль, если бъ они не исполнили своихъ обѣщаній.

Длинная бесѣда съ Преосвященнымъ, который рассказалъ мнѣ о своемъ пушненескіи по Вологодской Епархіи, о многочисленныхъ памятникахъ древней нашей иконописи, разсыпанныхъ не только по монастырямъ и соборамъ, но даже бѣднымъ приходскимъ церквамъ, и о богатствѣ въ спаропечатныхъ книгахъ, изъ коихъ онъ намѣревається сдѣлать нѣсколько коллекцій для Духовныхъ Академій.

Въ самой Вологдѣ было ихъ богатое собраніе: какой-то Архіерей велѣлъ обобразить у церквей вѣснарыя книги, и запечатать ихъ въ сундуки. При представлениі одного священника къ наградѣ, онъ названъ былъ хранившемъ спарыхъ книгъ. Высшее начальство спросило, чи то это за книги, и какъ не нужныя, приказало

представивъ въ Петербургъ. Библіотеки имъють свои Испорії.

Намѣреваясь прежде ѻханцъ въ Устюгъ, я хотѣлъ осмотрѣть мѣсто, на которое изпалъ каменный дождь, оспаовленный Св. Прокопіемъ Юродивымъ, Устюжскимъ чудотворцемъ. По порученію Преосвященнаго, это мѣсто осмотрѣно: оно до сихъ поръ покрыто камнями, и я получилъ осколокъ для изслѣдованія въ Университетѣ.

19. Разсиравиаъ Намѣшника Каменского на Кубенскомъ озерѣ монастыря о пущи въ Бѣлозерскѣ и Каргополь — сообщеніе Вологды съ Бѣлозерскомъ было нѣкогда часное и значительное.

Приходскій праздникъ у Власія, явленіе Донской Божіей Матери. Народу набралось оиянь полная церковь. Проповѣль говорилъ приходскій пресвитеръ священникъ, краткую, но епройную, о смиреніи. Было даже счастливое выраженіе о пущи, пройденномъ Пресвятою Дѣвою отъ яслей Виолесмскихъ до Голгоѳы и Геѳсиманії.

Послѣ обѣдни былъ приглашенъ въ домъ къ священнику. Народу высыпало множество по обѣимъ сторонамъ улицы навстрѣчу Преосвященному. Скромное, но опрятное жилище. Послѣ чая шотчасъ предложена закуска и обѣдъ. За столомъ сидѣло нѣсколько священниковъ и монаховъ. Обѣдъ былъ изобилійный. Рыбъ не было счenu, какъ будто изъ благословенной мрежи: славная зѣвшнля нельма, сиги, лещи, щуки, — горячія, холодныя, подъ спуднемъ, жаренныя, съ огурцами просольными, попомъ свѣжими. За великомъ блюдомъ подавалось вино, подъ именемъ мадеры, малаги, рейнвейна, шампанскаго. (Вотъ для меня самое лучшее изображеніе нашихъ несчастныхъ подражаний — литературныхъ, политическихъ, житейскихъ). Я вспоминалъ о древнихъ Русскихъ здоровыхъ и сыпныхъ обѣдахъ, когда мы не были знакомы съ отправами Французской кухни. Хозяинъ былъ въполномъ удовольствіи, и угощалъ отъ всего сердца, съ такими любезными радушіемъ, и вмѣстѣ искусствомъ, и неиспощимыми варіантами, и безъ всякаго излишества и уніже-

нія, чпо любо было смотрѣть на него и слушать. Боже мой, думалъ я, приходскій священникъ въ Вологдѣ — чу что моженъ онъ получить въ годъ? Пятьсотъ-шестисотъ рублей. Ни одного каменнаго дома не выдалъ я проѣхавъ у него въ приходѣ. И изъ этой пысличи онъ долженъ содержать свое семейство, часпо многочисленное, и думать о своей предстоящей дряхлости. Какая бережливость должна быть соблюдана въ его обиходѣ, если бы даже и не чувствовалъ онъ нужды. Не всякую-ль копейку онъ долженъ раза два - при оборотиши въ рукахъ, прежде нежели онъ заплатитъ ею за кусокъ хлѣба или за аршинъ сукна? Но вотъ у него праздникъ, и вы его не узнаёте, не различаете съ богатыми купцами: Русской духъ обнаруживается. Хлѣбосольство и гостепріимство являются во всемъ блескѣ. О, съ какимъ почтеніемъ смотрѣлъ я на доспойного спарца, и прикушивалъ его мадеры и малаги, желая ему здравія, и благоденствія, и во всемъ благогоносѣнія!

Разговоръ за споломъ обращенъ былъ на древности. Сначала на все слышались опѣты оприцательные: «нѣть, ничего нѣть, не слыханъ, не знаемъ», но посль мало по малу, изъ того угла слышалось одно извѣстіе, изъ этого другое, и къ концу обѣда понабралось у меня кое-что для записной книжки, напр.

Ины, 19 Августа, день прибытия въ Вологодскіе предѣлы Св. Герасима, и слѣд. начало Вологды.

Не далеко отъ Вологды есть село Говорово, где проговорилъ будто бы Иоаннъ Васильевичъ Грозный, и другое, Свищуново, где онъ свинулъ.

Грозный имѣлъ здѣсь дворецъ съ церковью на съюзѣ, коей пресиполь означены каменными сполбами, видными и писарь, близь теплая Собора.

Вологду называють Ясономъ, потому что каменный городъ заложенъ здѣсь Грознымъ во имя Св. Апостоловъ Ясона и Сосипапра, коимъ посвящены и придѣлы въ одной приходской церкви.

Была записка о Вологдѣ какого-то Слободского.

Есть гдѣ-то подробныя записки о пребываніи Пепира I въ Вологдѣ.

Одна церковь называется здѣсь Всеградскою, попому что выстроена опть всего града въ одинъ день по случаю моровой язвы (1655). У Г. Иноходцева, какъ я спрашивалъ послѣ, сказано: начали рубить пропинъ 18 числа въ 6 часу ночи, а клали съ свѣшами зажигая скамы на болотахъ, и срубили за два часа до свѣту, сомнили въ 2 часа, а святить спали въ 5, освятили же въ послѣднемъ часу дня, и съ того времени и моръ на Вологдѣ пересталъ. Такая же церковь есть въ Устюгѣ, и еще гдѣ-то.

Вологда была прежде гораздо богаче, и поспрадала сполько опть Архангельска, сколько Архангельскъ опть Петербурга. Церковь Феодора Стратилата построена Гроздинымъ по случаю получения имъ здѣсь извѣстія о рождествѣ Феодора Ивановича.

Недавно найдено около Топъмы много монетъ, кои по описанию (шлемъ съ гребнемъ, крестникъ по срединѣ) кажутся Норманскія, какихъ найдено лѣтъ пять назадъ множествомъ около Роспова; недавно я купилъ также ихъ нѣсколько опть Одоевского купца. Мѣста находокъ любопытнѣе самыхъ монетъ, показывая пупы нашихъ удальцовъ.

Родовъ древнихъ ведется очень мало: богатые во 2 или 3 колѣнѣ бѣднѣютъ, и такъ далѣе. Къ числу древнихъ принадлежатъ Колесовы.

Многіе послѣ перемѣны торгового пупы выселились въ другіе города.

Нѣкоторые священники занимаются здѣсь архитектурою, и строятъ церкви. Это не съ того ли времени, какъ Преосвященный Евгений завелъ при Семинаріи классъ черченія и рисованія? Такъ благая мысль даетъ плоды въ свое время, а другое громкое учрежденіе завядаєтъ до развѣта.

Бѣдны осматривать вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Иппокакиемъ монастырь Спасо-Прилуцкій, верстахъ въ двухъ опть города, основанный Св. Димитріемъ, зна-

комцемъ Преподобнаго Сергія, крестившимъ многихъ дѣшай у Димитрія Донскаго. Поклонился его праху, и образу, который, вслѣдствіе особаго откровенія, былъ посыаемъ отсюда къ Іоанну Васильевичу во время похода его подъ Казань въ 1503 году. Слѣд. древность около 350 лѣтъ этому образу известна исторически, по, вѣроятно, онъ написанъ шточка по причиненіи Димитрія къ лицу святыхъ, вскорѣ по его кончинѣ, въ началѣ 15 столѣтія. Другой образъ его столь же древний, швенный, виситъ въ олтарѣ.

Вотъ подъ спудомъ моши Св. Игнатія, сказалъ проводникъ. Какого Игнатія? Это было сынище, какъ доказался я послѣ, Князя Андрея Васильевича, который, вмѣстѣ съ братомъ Димитріемъ, сосланъ былъ Іоаниномъ III въ Прилуцкій монастырь, здѣсь постригся, и прославился чудотворепіеми. Исторія слишкомъ рано потеряла сго изъ виду.

Въ ризницахъ есть много древнихъ крестовъ, складней съ мощами, рѣзныхъ образовъ оплечной рабоши, принадлежавшихъ, вѣроятно, племяннику Іоанину III, и полученныхъ въ наслѣдство послѣ Темнаго, Донскаго, Калины.

Принялся разсматривать сундуки съ книгами. Послѣ нѣсколькихъ церковныхъ рукописей вынасказываю одну, въ древнемъ переплетѣ... Харашейная.. развертываю... первое слово попадаешь подъ глаза Мстиславъ, помпомъ Изяславъ.. я шакъ и обмеръ ошь радосни, колына у меня подогнулись.... Вѣрно какая нибудь лѣтопись: гдѣ же могутъ случиться шакія имена? Но у меня не было силы перевернуть листы и посмошрѣть на ея начало.... съ трепещущимъ сердцемъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, подаль я рукопись Преосвященному, и едва могъ выговорить: Мстиславъ, Изяславъ. Онъ началъ перелистывать. Я опомнился, и послѣдовалъ глазами. Увы! это только житіе Бориса и Глѣба среди поучительныхъ словъ и житій. Впрочемъ рукопись древняя и примѣчательная. Житіе не Испторова сочиненія, а другое, о которомъ я писалъ въ своеемъ изслѣдованіи. Не могъ разбираТЬ болѣе, и съ горя отправилъ

ся въ слѣдь за Преосвященнымъ къ Архіепископу Ири-
нею, который здѣсь живетъ на-покой. Онъ сообщилъ
иѣсколько любопытныхъ свѣдѣй о Молдавіи, Валахіи,
Бессарабіи, гдѣ онъ служилъ долго, и разбиралъ права
собственности по древнимъ грамотамъ. Преосвященный
родился въ шѣхъ спринахъ и поскуешъ по своей отчизнѣ.

Осматривалъ кладовыя монастырскія съ сундуками
древнихъ бумагъ, въ пыли, подъ хламомъ, съ заперты-
ми оконцами, въ такомъ воздухѣ, гдѣ, кажется, за-
дохнуться можно. Вѣрою здѣсь найдется еще много любопытнаго! Есмь иѣсколько вещей, принадлежащихъ къ
древнему оружію.

Думалъ дорогою о Всероссійскомъ музѣ. Чѣмъ если-
бы собрашь древнія вещи, одежды, оружія, рукописи,
образа, изъ всей Россіи, (разумѣешся только изъ за-
холустьевъ, куда никто неѣздитъ, и гдѣ онъ лежашъ
безъ употребленія), расположить ихъ въ хронологиче-
скомъ порядкѣ въ какомъ-нибудь зданіи Москвы, напр.
Оружейной Палатѣ. Какое было бы величественное и
поучительное собраніе! Мы увидѣли бы тогда осѣзаю-
чи, чѣмъ отцы наши были не такъ просны и грубы,
какъ мы, среди своего ученаго невѣжества, обѣ ихъ
предполагаемъ. Сколько разсыпано всякихъ драгоцѣнностей
по лицу всей Россіи, гдѣ онъ лежашъ безъ употребле-
нія и пользы! Кому напримѣръ придется охотаѣхать
въ Прилуки, (и даже въ Вологду), смотрѣть на такую-
то примѣчательную рукопись, или рѣзный крестъ, или
пелену. Тогда только какъ всѣ подобныя вещи будуть
храниться вмѣстѣ, можно будешь написать исторію
художествъ въ Россіи, Исторію частной жизни и проч.

20. Гимназія просила пыни Преосвященнаго о по-
священіи, и онъ пригласилъ меняѣхатъ съ собою, чemu
я былъ очень радъ.

Ученики были всѣ собраны въ залѣ актовъ и спо-
ляли въ порядкѣ съ учительями въ полныхъ мундирахъ.
Лишь только показался Преосвященный, встрѣченный
на крыльца Испекшоромъ, какъ раздалось привѣтствіе,
прекрасно положенное на попы:

Гряди, о Паспуръ нашъ желанный,
Гряди, воззри, благослови!

Слезы были у многихъ на глазахъ, и я былъ очень пронутъ. Выслушавъ привѣтствіе, Преосвященный сказалъ воспитанникамъ: Благодать вамъ и миръ отъ Господа нашего Иисуса Христа.

Надо сказатьъ, что Вологодскіе гимназисты знали почти наизусть Седмицы, кои всякое воскресеніе читались у нихъ въ собраніяхъ, и что вообще все начальство предано было особенно Пр. Иннокентію, кого имя безпреснію поминалось въ Гимназіи, какъ вдругъ получался извѣстіе, что онъ назначенъ Епископомъ въ Вологду. Радость была неописанная. Послѣ спиховъ Инспекторъ произнесъ Рѣчь, изъ коей я и привелъ вышеупомянутыя обстоятельства.

Это прекрасное торжество преданности благородной, простирающей изъ такого чистаго источника, въ глухи, на съверъ, вдали отъ всѣхъ людей, было для меня очень поразительно. Я радовался отъ сердца успѣхамъ общежитія, силѣ добра и слова. Обошли всѣ классы и компании. Осмопрѣли все, даже до книги, въ коей записывался полученіе лекарствъ. Гимназія возведена почтеннымъ своимъ Директоромъ, Г. Башинскимъ, при содѣствіи Инспектора, Г. Фортунатова, (котораго отецъ, для ильди бывали здѣсь учителеми), на опличную степень. Предложено было нѣсколько вопросовъ ученикамъ. Поговорено со всѣми учителями.

По осмотру у Г. Инспектора была, во исполненіе Русскаго обычая, закуска.

Послѣ обѣда осматривалъ Троицкую церковь, что у Кайсарова ручья, бывшую началомъ Вологды. Здѣсь-то поселился первоначально Св. Герасимъ, уроженецъ Кіевскій, основатель ея, пришедший на Вологду, въ 1147 году. Въ житіи Преподобнаго сказано, что онъ имѣлъ споръ о землѣ съ здѣшнимъ жителемъ Пяпышевымъ, (слѣд. и до Св. Герасима было здѣсь поселеніе?). Замѣчательно, что родъ Пяпышевыхъ ведется до сихъ поръ, и живетъ на одномъ мѣстѣ въ приходѣ этой

церкви. Теперешнему предсказавшему его, спасительнику церковному, уже 62 года, и онъ холостъ; отъ брата его осталась одна дочь, девица уже слишкомъ 40 лѣтъ, съ коею и прекращаєтся древній родъ. Святыни предсказывали имъ, что они будуть ии богаты, ии бѣды; такъ и жили они семь сонъ лѣтъ, замѣнивъ миѳ одинъ горожанинъ.

Церковь находящаяся тепѣрь почин на выѣздѣ, имѣетъ приходу дворовъ пятинаадцать, по содержанию очень благоприлично. Предъ ракою на сизинъ написанъ Спаситель, предъ коими съ обѣихъ споронъ ладающълицъ всѣ Вологодскіе Угодники; внизу имя Вологодскаго «изуграфа» и имя вкладчика, по вызову коего писать образъ.

Образовъ много древнихъ, по 300 по 400 лѣтъ. Самый иконостасъ очень замѣчательенъ.

Видъ на городъ очень хороши. Къ споронъ Примукъ видна куча деревьевъ, между которыми кладущие раскольники.

Видѣли издали часовню, поставленную надъ прахомъ двухъ знаменитыхъ Бѣлоризцевъ, приѣзжавшихъ неизвѣстно откуда помочь живущемъ. Здесь были убогіе дома для погребенія несчастно-умершихъ, которые въ Семикъ засыпались землею, и опятьвались Архіереемъ.

При имени Священника Непсина вспомнилъ объ Иосифѣ Непеѣ Вологжанинѣ, первомъ Русскомъ посланикѣ къ Англичанамъ; которые выхваливали его сполько. Но отъ этого ли Непеи происходилъ нынѣшніе Непсины?

Осматривалъ Духовъ монастырь. Здесь почивають подъ спудомъ мощи Преп. Галактиона. Кто же былъ эпопѣ Галактионъ? Сынъ Князя Бѣльского, умерщвленнаго Ioаниномъ Грознымъ. Родственники укрыли оправа, и переслали его отъ преславованій Царскихъ въ Спарцу, а оттуда какъ-то попалъ онъ въ Вологду; здесь онъ кожевничалъ для своего ирониашія, женился, овдовѣлъ, и заключился въ келью на рѣчкѣ Содимѣ, выросивъ

себѣ уголокъ у жинелей. Литовцы въ набѣгъ 1613 г. его замучили. Жинели поставили надъ его могилою церковь, а вночью устроили и монастырь. Монахъ указалъ мнѣ на изложенные вериги, кои надѣвались на себя описанельникъ почюю по окончаніи работъ дневныхъ.

Здѣсь же лежитъ и Преподобный Іоасафъ, перенесенный сюда изъ Каменского монастыря на Кубенскомъ острѣвѣ. Это былъ кто? Андрей Дмитріевичъ (?), Князь Заозерскій, постригшійся въ 1453 г.

Есть не сколько древнихъ образовъ; особенно разные деревянные и костяные, кои нынѣшній Архимандритъ устроилъ прекрасно въ особой кіотѣ, принадлежащей къ глубокой древности. Есть блюдо, данное однѣмъ изъ сыновей Иоанна III. Монастырь занимаетъ большое пространство, гдѣ бы можно кажущимъ развеселіи огорода, по монаховъ только 6, коиорые едва и службу могутъ исправлять. На зиму двое опускаются обыкновенно для сбора подаяній, ибо спросите требуетъ безпрепятственно поддержки.

Зашелъ къ описи Архимандриту, Москвитину, коіорый иноскуется по описаній. Чистыя и опрятныя кельи, порядочная мебель — и Русское господріимство: чай, варенья, яблоки. Онь разсказывалъ о монастырѣ Купенскомъ, гдѣ былъ Наспоятелемъ.

Ввечеру разспрашивалъ Преосвящ. Инокенія объ его жизни, и сообщу здѣсь некоиорые подробности чистапелямъ, зная, какъ имъ дорого узнать хопъ чѣмънибудь о нашемъ знаменитомъ Оранторѣ. Преосв. родился въ Ельцѣ, мірское имя имѣлъ Алексѣй Борисовъ, учился сперва въ Воронежской Семинарїи, а попомъ въ Киевской Академіи, служилъ пошомъ Инспекторомъ Пензенбургской Академіи, гдѣ принялъ участіе въ изданіи Христіансаго чинія, коіорое вдругъ возспало и дошло до виораго изданія, паконецъ лѣтъ восемь былъ Рекицомъ Кіевской Академіи, пошомъ Викаріемъ Кіевскаго Минирополита и Епископомъ Чигиринскимъ.

Записаль всѣ сочиненія, для которыхъ собраны у него матеріалы.

21. Разбиралъ библіотеку Спасо - Прилуцкаго монастыря, нашель цѣлую огромную книгу пляжебныхъ дѣлъ монастыря съ разными частными лицами отъ начала 17 столѣтія до Петра Великаго. Больше тысячи листовъ. Драгоценная находка! Древнее судопроизводство наше по всѣмъ инстанціямъ обнаруживающее вполнѣ, какъ оно было до преобразованій Петра Перваго.

Прекрасный древній списокъ Житія Феодосіева и про чихъ Печерскихъ Угодниковъ, прекрасный сборникъ на пергаментѣ съ слѣдующими любопытными приписками, — сначала: за молитву Святыхъ отець нашихъ, Господи Іисусе Христосе, Сыне Божій, помилуй насть. Аминь. Благослови начатое свершиши. Аминь. А ты брате писець! не лѣнися, начатое свершивай, вспивай рапо на свое доброе дѣло. А Богъ шеъ помогаешь. Господи помилуй, Господи помилуй. Олноціорисоун аринь ари. Это приписка красными чернилами расположена фігурой сосуда.

Послѣдовіе черными и красными чернилами: вѣщто семь тысячное и сошное списана бысть соѧ книга, именемъ нарицаемый трипѣтиецъ при Благовѣрномъ Князѣ Васильиѣ Дмитреевичѣ, и при всѣхъ правовѣрныхъ Князї, Юрии, Петрѣ, Ки. Оndrѣ, Ки. Костянтииѣ Дмитреевичѣхъ, во обители града Вологды, въ сельѣ въ Васильевѣ Ивановича Говорова въ Пешровскомъ. А списана сія книга милостью Божию и молитвою Пречищеныя его матерє, и доспояньемъ Свяшаго отца Семеона Богоприемца, и Святыя Аицы Пророчици, а пайдомъ Василья Ивановича, а благословенiemъ благочесніваго Ер҃за Нестора, а рукою многогрѣшнаго раба Божія Еусениа, въ храмъ Свяшаго отца Семеона Богопріемца и Аицы Пророчици, мѣсяца Декабря въ 20 день, ма память Свяшаго Мученика Игнатія Богопосца. Аминь. аминь.

Передъ этимъ послѣдовиемъ па оборотѣ послѣдняго листа Тріоди находится слѣдующее письмо, писанное пѣмъ же почеркомъ, но гораздо небрежнѣе:

Пречестному и всесвѣтному папиache добродѣтелью оукрашенному опицю игумно моему Архимандриту ди-описью смирено мешанье слобовыиъ и духовныиъ по-радованьемъ члому образу твоему святыни опи чада святыни смѣренаго и грѣшиаго фокы аще и во мнозѣ оунынїи и нерадѣніемъ и слабоспѣ духовнѣй, но и еще вѣрѣнную сію жизнъ Богу благоволяющю проходя по немъ обрѣпохъ любви знаменѣе опи освященой твоей души еже къ нашей худости азже икоинами молитвами книгу сію отъ сергѣа всячески взялъ понежъ сергѣй хотѣль взятии а нашего посилья не хощенъ вскорѣ отданіи. А понеже не исправихомъ книгу сію молюши прѣзри понеже не неродѣніемъ сіе бы по временнѣмъ не-досинжѣствомъ. Прочеже молю твою всекрасную свя-тыни да величи исправини ю да аще ключицѣ иѣ-кому в нашу спрапу отъ васъ бывали да поимѣши къ намъ споловину руги а што оу насть постыдѣть а шо мы опислемъ понежъ уже семь почаль писании а твоими святыни молитвами да сподобиши насъ Богъ и сверь-шиши начатое понеже опиележе сподоби мя Богъ по-знаши твою святыни любовиую память неоскуди имамъ къ святыни ии аще и опишодъ недостаточень есть всеблагий же Богъ въ благыхъ да сопвориши тоя мо-литвы дѣйственныи яже о насть аминь.

Въ концѣ шептади написано: помози пии Богъ, шио еси написаль, да сице радъ зайдъ именемъ избѣгъ, шакъ радъ пиецъ сію ки... кончавши.

Житіе чупъ ли иссовременное на хлоичатой бумагѣ Степана Пермскаго, Кирилла Философа съ замѣчатель-ными варіантами, Тріодъ, Сборникъ на пергамении изъ сочиненій Святыхъ ощцевъ, покрайней мѣре изъ начала 14 сиолѣтія.

Зашелъ ко миѣ Г. Саваниловъ, и я показалъ ему ха-ратейныя рукописи. »Да у насть если еще древище,«

опишаешь онъ. Гдѣ? «Въ Семинаріи.» Чѣмъ за богатство было у насъ въ рукописяхъ!

Забрался въ одно изъ пустыхъ опідѣлений Архіерейскаго дома, съ позволенія Преосвященнаго, который услышалъ о какихъ-то бумагахъ, шамъ валяющихся. Эта кладовая ссыпь пѣчи оптическое въ своемъ родѣ, заслуживающее особаго описанія, чѣмъ подать понятіе о шахъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ надо искать рукописей.

Представьте себѣ огромной домъ, въ три большихъ этажа, изъ кирпича выломаны всѣ цолы и пополки, и осипалась одна желѣзная черная крыша. Какое-то ужасающее просипранство! Вверху только едва доспаше вы глазомъ насколько спрошиль, а по сѣтьямъ видите выдолбления гнѣзда для переводовъ. Въ первой половинѣ этого просипранства сидѣтъ ларъ съ мукой, крупой, овсомъ. На полу на длинныхъ рогожахъ паваленъ лукъ.

Въ этой половинѣ пѣши ничего спрашаго, но вдалѣ вы видите темныя горы, на горахъ нагроможденныя, съ какими-то пустошами между собою, и усами, которые выдаются изъ ихъ наружной поверхности. Взволнованное деревянное море! Гдѣ же хранится венецъ? «А вонъ здѣсь, пойдемте дальше» сказали сибирский монахъ. Приближался со спрахомъ и трепетомъ, и чушь чушь примѣчаю, чѣмъ все эта безобразная куча накрыта вверху, на самомъ верху, черными дощаними плоскостями. «Надо подниматься на верхъ», сказали монахъ. Меня шакъ и обдало спрахомъ. Гдѣ же лѣспиница? «Здѣсь.» Мы пробрались кое-какъ въ промежуткахъ моря, нашкалась безпресыпано головою, плечами, спиною, на клыки деревянныхъ чудовищъ, зиявшихъ изъ своихъ щелей. Лѣспиница спущенецей въ придачъ вела на морскую поверхность. Но какая лѣспиница? Въ кирпичной или одной ступеньки не было на мѣстѣ, лѣспиница, которой вѣрою присна лѣши. Надо было держаться безпресыпано за ея спины, и искать хоць шакихъ мѣстъ, откуда упась было легче. На Везувій, Монбланъ и Лиліенштейнъ поднималась въ

и спокойно. **Ф-**

рыми иконами, на коихъ оставались сдва примѣтные слѣды древнихъ изображений.

Междѣ шѣмъ я все еще не видалъ никакой кладовой. «Куда же еще идти?» спросилъ я даже съ досадой монаха. «Въ шопть уголъ.» Но юношамъ писаницамъ, сквозь конорыя видна было морская бездна, и конорыя тряслись подъ нашими ногами, сдва доспавая каженія своими концами до перекладинъ, мы пошли къ углу опгороженному, или лучшіе сказанія неопгороженному, а заслоненному такими же черными плоскостями. Монахъ пришелся оподвигать и опворачивать одну изъ нихъ. — Ей Богу было спрошено! Наконецъ онъ оподвинулъ, и я могъ просунуть голову въ сдѣланное опверспиc. — Чѣмъ же я увидѣлъ шамъ? Сопки фигуръ изваянныхъ изъ дерева, коихъ вирочемъ въ полумракѣ я не могъ разглядѣть по рядочно: миѣ объяснили, чѣмъ эшо деревянныя изображенія Спасителя, опображенія въ разныя времена у раскольниковъ. — «Покойный Преосвященный приказалъ миѣ спрятать ихъ подальше.» — Ну уже подлишио они спрятаны далеко: безъ замковъ и дверей..... «Какъ вы вспомнили ихъ сюда?» — «Вспомнили кое-какъ.» — «Какъ вы приходили сюда?» Ходимъ какъ инбудь.» — «Да вѣдь эшо очень опасно?» «Опасно.» «А можно устроить все эшо полегче?» «Можно.» «Да для чего же вы не устроили?» «Да шакъ! вѣдь сюда нечасто ходишь!» Ка-ковъ пародецъ русскій! —

Подъ деревянными фигурами валялись лоскушки. Я началъ ихъ шарить. Вынулъ листъ: харашейный изъ пріоди; вынулъ другой: послѣ словіе къ книгѣ, печатанной при Михаилѣ Феодоровичѣ. Но пыль поднималась сполбомъ. Я не могъ осипаваться дольше, и просилъ о приказѣ служителемъ повыбрать все бумажное. Миѣ привезли два короба. Оказалось листовъ шестьдесятъ харашейной пріоди, осьмушки четыре харашейныя, которыми перепленены были молитвеникъ, и еще пол-листна харашейного, служившаго также обверткой исходной книжонкѣ.

Вонгъ иныхъ гдѣ надо искать рукописей : болыпія дороги, открытия ризницы, обысканы, и тамъ иныхъ уже ничего, но во всякомъ монастырѣ есть шакъ называемая кладовая или амбаръ, куда сваливаются списки венци. Тамъ еще можно найти многія древности, по шуда мудрено имѣть доступъ: всякой смоленщель скажетъ вамъ паощрѣзъ, что у нихъ никакой кладовой не имѣется, разсуждая про себя шакъ: 1) если тамъ найдется чио нибудь, то я буду обвиненъ за нерадѣніе, и долженъ буду беречь послѣ найденіе; 2) въ амбарахъ бываешь всегда безпорядокъ, который показывать совѣстно и спыдно ; 3) если же тамъ ничего неѣть , то не сшибишъ шуда и ходишь. Г. С. рассказывалъ объ одномъ изъ здѣшнихъ смоленщелей, чио онъ при мѣсяца не ходѣть ему отворять архивной двери , близкой къ собственной его двери: подождание , не время , завира , и шому под.

Былъ въ Семинаріи. Обвенчавшее зданіе, въ родѣ памятъ Грасвицкаго аббатства : я взглянула мимоходомъ на лавки, на коихъ ученики выѣзжали церкви, хорувимовъ , списки и проч. Ировожаный Профессоръ замѣнилъ : «это ребячники воплощають свои идеи.» Въ Библіошкѣ есть пять-шесть хараштыхъ кодексовъ 14-го и можетъ быть 13-го вѣка. Ночеркъ близокъ съ Прилуцкими, и моими Повгородскими. Чунь нельзя ли опредѣлить теперь характеръ общій Повгородского или лучшее съвернаго письма.

Къ Семинаріи приналежитъ церковь бывшаго Кирилловскаго подворья — древний рѣзной иконостасъ шаковъ, чио нашъ Солицевъ упалъ бы предъ нимъ на колѣни. Ему непремѣнно надо пріѣхать сюда. Множество древнихъ образовъ, и синь съ годами. Собраны и списаны бы ихъ все : но нимъ можно судить приблизительно и о древности ихъ, которыхъ годъ не означентъ, какъ шо дѣлается съ рукописями.

Въ ризницѣ хранился серебряный крестъ съ надписью лѣта зра (1603) ... Здѣланъ бысинъ сіи крестъ на Москвѣ въ монастырѣ Успенсья Пресвятые Богородицы Иоан-

ища нашего Кирила Бѣлоозерскаго Чудотворца при блаженномъ... Царь... Борисъ Феодоровичъ.... при Игумѣнѣ Яосафѣ браинію.

Распятіе на крестѣ вычеканено такое, копорому езъ означенія я не далъ бы больше 150 лѣтъ, также изображеніямъ Марои и Маріи. Въ моемъ собраниѣ онъ несравненно грубѣе, и слѣд. гораздо старше.

Недалеко отсюда есть и Зосимовское подворье — тѣды древняго сообщенія между Новыимъ-городомъ, Бѣлоозерскомъ, Вологдою, Архангельскомъ.

Междуд Семинаріей и училищемъ каменный домъ зашть ярмаркою, копорая бываетъ зимою въ Яиварѣ мѣщѣ. Купцы располагаются съ своими товарами въ яицашахъ, и торгууютъ ими недѣли двѣ. Это непрѣнио османскъ древняго, какого нибудь Гаизейскаго бычая.

Здѣсь была и Нѣмецкая кирка; показываюпъ мѣсто ; жило много Нѣмецкихъ купцовъ въ особой слободѣ.

Надо бы собрать всѣ такія черты — но не въ огласнической формѣ, а поживѣе, позанимательнѣе. Оботкомъ городѣ найденія чи то сказать, но у насъ обыкновено любопытное погрязаетъ въ пучинѣ скучныхъ иловажныхъ подробностей, и попутно не доходитъ до цаго свѣдѣнія.

Есть здѣсь цѣлая слобода Фрязина, и приходъ воѧ Андрея... напоминающія того Андрея Фрязина, которому дала земли Димитрій Донской, и копорый былъ ли не первымъ выходцемъ Нѣмецкимъ, поселившимся Святої Руси, а за шимъ съ легкой руки, или лучше и послѣдователь легіонъ и легіоны легіоновъ.

Былъ у Г. Савицкаго — онъ живелъ вмѣстѣ съ цемъ своимъ, священникомъ, и занимавшъ одну маленькую комнатку, опять копорой сице опидѣлены три кѣ-

шочки. Здесь онъ занимается своей философией и исторіей, но долженъ очищать ее, если къ опцу придется какой прихожанинъ. — Кто бы подумалъ, что за эпимъ огаркомъ, въ захолустіи бѣднаго губернскаго города, въ полуразвалившійся избенкѣ, читаетъ и размышляетъ Августинъ и Каинъ. Компактная численность,увѣшанная картиными портретами. Тотчасъ разумѣвшій представился чай въ нарядныхъ чашкахъ, наливка домашняя изъ черемухи, и варенье изъ поленики.

Г. С. показалъ мнѣ свое собрание. Есть вещи прелюбопытныя, и чтобы познакомить съ ними и выписать два: извѣстное человѣчье времечко Царя Алексея Михайловича отъ Священника Епископу Маркулу на пономаря съ заговорами;

Государю Преосвященному Маркулу Архиепископу Вологодскому и Бѣлозерскому бывшъ челомъ извѣщающъ Богомолецъ Твой Вологодскаго уѣзду водоскіе волосини преображенской попъ Пепръ Семеновъ тоежъ своей церкви на дьячка на Ивана Харитонова здѣши. Иньшннного 168-го году марта въ 25 день шоль я Богомолецъ Твой отъ обѣдин къ своей деревни, и какъ буду я пропивъ его двора, поднялъ писмо, а въ немъ написано уговоръ сердитыхъ людей серца.... И я то писмо казалъ дѣшь своимъ духовнымъ Василью Бердлеву да Машвю Чихачеву, и онъ сказали: это де писмо дьяка нашего Ивана Харитонова рука. И я Богомолецъ Твой то писмо отдалъ Твоему Свяшинельскому заказщику поповскому спросивъ Илькову Федорову Лисинскому. А праву рвать и коренье копають, по лугамъ ходя, и свадбы опищающъ, и женщины со младенцы къ нему часлю приходяшъ и невѣдомо чево для. А про коренье и про побѣзы и о томъ памъ вѣдомо, чио онъ взапасъ рвалъ и копалъ. И язъ ему говорилъ по многіе времена, чтобъ отъ того неподобныхъ дѣлъ отспашть. И онъ спаль на меня сердитца: «и не украйтъ у земли».

сплыть и людей на меня научаль всякими налогами для
твоего своеово писма ; и ничъмъ меня изогнанъ не могъ.
нынѣшнovo же году звель на меня ... и подаль извѣстъ
му же спроситъ поповскому ; а жонкъ твой и мужу
сумитъ напить рублевъ, чиобы говорила на меня, хо-
тимъ спарова поца опять церкви отижануши, спарин-
мъ моимъ извѣтку мѣстомъ завладитъ, продавъ из-
щча, а своеово сына въ попы поставиши. И я бого-
юещъ Твой по ево ложному извѣти служиши бес-
оего Святошельского указу съ нынѣшняго числа не
ю. Государь Преосвященны Маркелъ Архіепискунъ
югоцки и Бѣлозерски, пожалуй меня богомольца сво-
, вели мое извѣтиное челобитнѣе записашь, чиобы
ъ сво плущни и налоги вконецъ не погинуши и сво-
мѣстя не отбыни. Государь, смируйся пожалуй.

(На оборотѣ написано : кесму извени преображен-
ий поца Цепръ подаль и руку приложилъ *Иаковъ* :
цана извѣстная во 168-мъ году Августа въ 5 пень.

Списокъ съ рукописи Ивана Харинопова слово въ
30 :

.....

1. Приспани Господи къ доброму сему дѣлу, святыи
и Павель, Михайло Архангель, Ангелы Христио-
, рабу Божио, имярекъ ; зъбасалися сцепалися двѣ
опы вѣмѣсто, срослася пѣло съ шѣломъ,
пь съ косицю, жила з жилою ; запечашаль Самъ
ющиось во всякому человѣкѣ печать ; занеки шу ра-
у раба Божія, имярекъ, въ три дни и въ три часы,
боли ни сверби, безъ крови безъ раны , во вѣки
и.

2. Вспашу язъ рабъ Божій, имярекъ, благословясь и
у перекрешился въ чистое поле, умоюсь упрашено

росою и зорею свѣшилою , упруся краснымъ солицемъ , поднояшуся свѣшильмъ мѣсецемъ, опычуся мѣлкими частыми звѣздами , покроюся мѣденымъ небомъ , помолюся четыредесетимъ мученикомъ, Михаилу Архангелу , Гаврилу Архангелу ; дай мнъ , Господи , изъ числово поля лютово звѣря; поди лютой звѣрь къ рабу Божію , имярекъ , въ водѣ подъ каменемъ выми сердце з горячею печенью , принеси мнъ рабу Божію , имярекъ ; какъ не мочно рабу Божію , имярекъ , подъ каменемъ воздыхаш , иакъ не мочно па меня раба Божія , имярекъ , сера исепии и зла подумаш и поминши во вѣки аминь.

Письмо о какомъ-то Князѣ Михаилѣ :

Отъ (1) поѣхау Кнезь (2) Михайлo
Що на Чарскую-шу (3) службу ,
На грознѣю Осудареву ;
Оспавлянигъ (4) онъ свою молоду Кнегину ,
Що Кнегину Кашерницу ,
И наказашъ своей машушки родною (5):
яЛжь шы , машушка родная ,

(1) Отъ или отъ вм. вопль

(2) Кнезь вм. Князь, но обыкновенному употреблению е вмѣсто я.

(3) Чарскую-шу вм. Царскую-шу. Москвит. ч. III. спр. 186.

(4) Оставляти вм. оспавляєти, такжे какъ: наказыватъ, дѣлатъ, бываєти вм. наказываєти, дѣлаєти, бываєти. Такъ обыкновению говорять и въ самой Вологдѣ; по этому выговору всегда можно узнать Вологжанина; какъ по выговору: наказывааетъ, дѣлааетъ, бывааетъ можно узнавать Костромичей; по выговору: наказываётъ, дѣлаётъ, бываётъ — Владимировъ; по выговору: бываєти , дѣлашти — Калужанъ, и шакъ далѣе. — Кстапи замѣтили здесь сокращеніе въ нѣкоторыхъ, глаголахъ, подобныя слѣдующимъ виши, хощи, сльши, знаши т. п., вм. видиши, хочешь, знаешь и т. п. и.

(5) Родною вм. родной. Для полнооты стиха обыкновенно послѣдній слогъ расплющивается, или прибавляется къ нему какак инбудь гласнаг, чаще же и или е. Напр. по лугамъ зеленымъ, по травамъ шелковицамъ воринъ жибъ... .

„Еще пой, корми Кнегину
 „Всё крутицяими колацями.“
 Ево машушка родная,
 Опосля ёво не вдо́гъ (6),
 Былу мылонку (7) шопила;
 Сирь-горюць камень нажигала
 И Кнегину посылала
 Що во бѣлую-шту мыльню;
 Тунъ Кнегину изводила (8);
 Роспорола бѣлы груди,
 Досмоприла во упробъ,
 Во упробъ-што младенецъ.
 Ахни смёртию перепалась.
 Скорыхъ пословъ посылала
 И по иенекъ и по манекъ (9)
 И по вѣрныхъ служанокъ.
 Ажъ вы иеньки, ажъ вы маньки
 И всѣ вѣрныё служанки!
 Вы беритѣ, иеньки-маньки,
 Всѣ при бѣлыё-што мыла
 И цепверто умыванье.
 Вы умойте-шко (10) Кнегину,
 Що Кнегину Катерину,
 Во при бѣлыё-што мыла
 И въ цепверто умыванье.
 Опо мыли шту Кнегину,
 Що Кнегину Катерину,
 Во при бѣлыё-што мыла
 И въ цепверто умыванье.
 Опо клали шту Кнегину
 Въ бѣлодубову гробницю.
 Покрывали шту Кнегину

(6) Опосля ёво не вдо́гъ. Опосля или опосль вм. послъ. Вдо́гъ — вдолгъ, спустя много времени.

(7) Мыльня, мыльня — башл. И паруша — башл. Различие между ними очевидно: въ одной больше моются, въ другой — парятся вънниками.

(8) Извѣстій или избыть — уморить.

(9) Иеньки и маньки — ильники и мамки. Оба слова всегда почтеннее употребляются вмѣстѣ.

(10) Тко — прибавленіе, частпо встрѣчающееся въ здѣшнихъ разговорахъ: сходитс-тко, послушайтс-тко, тамо-шко и проч. и проч.

Бѣлохруսцяпой камоцькой.
 Новезлико шу Кнегину
 Ко соборною ко церквѣ ,
 Що ко матери — Софѣи.
 Ошиївали шу Кнегину
 И съ попами и съ дьяками
 И со вѣрными слугами.
 Ото клали шу Кнегину,
 Що Кнегину Кашерину ,
 Въ сыру — машёру землю.
 Какъ пріѣхау Кнезъ Михайло
 На Кнегинину могилу ,
 Ево доброй конъ попкину́сё ,
 Съ главы шапоцька свалилась ,
 Онъ и шушо догадаўсё (11):
 „Ахпни , домо не здорово —
 „Либо машушка помёршё ,
 „Либо молода Кнегина ,
 „Що Кнегина Кашерина.“
 Отъ пріѣхау Кнезъ Михайло
 Що ко машушкѣ на у́ку (12).
 Ево машушка сприцѣпъ ;
 Онъ у машушки спрошаенъ :
 „Що шы , машушка , сприцѣпъ ?
 „Ужто гдѣ моя Кнегина ,
 „Що Кнегина Кашерина ?“
 Ево машушка родная
 За бѣлы руки примаенъ
 И отвѣтъ ему содержинъ :
 — Що ушла швоя Кнегина
 И ко ненькамъ и ко манькамъ
 Побѣлиньца — руменинъца.
 Онь поѣхау Кнезъ Михайло
 И ко ненькамъ и ко манькамъ .
 „Ажъ вы неньки , ажъ вы маньки !
 „И всѣ вѣрныё служанки !
 „Вы скажите сущу правду ,

(11) Вздогоди́усё значитъ и догадался и подумалъ про себя.

(12) У́ка — улка, улица.

„Вы скажите не ушайте :
 „Ужно гдѣ моя Кнегина ,
 „Що Кнегина Кашерина ?“
 — Ты — Великой Кнезъ Михайло !
 Твоя машунка родная
 Опослѣ тебя не вдоугъ
 Бѣлу мыленку шопила ;
 Сѣрь- горюць камень нажигала
 И Кнегину посыпала
 Що во бѣлую-шу мыльню ;
 Тунѣ Кнегину изводила ;
 Рospорола бѣлы груди ,
 Досмооприла во упробѣ ,
 Во упробѣ-то младенецъ .
 Ахни смѣртио перепалась .
 Скѣрыхъ пословъ посыпала
 И по иенекъ и по манекъ
 И по вѣрныхъ служанокъ .
 Опѣ обмыли мы Кнегину ,
 Що Кнегину Кашерину ,
 Во при бѣлыс-то мыла
 И въ цениверно умытанье .
 Положили шу Кнегину
 Въ бѣлодубову гробницю
 И покрыли шу Кнегину
 Бѣлохрусацтвой камоцкай .
 Увезлико шу Кнегину
 Ко соборною ко церкви ,
 Що ко матери — Софии .
 И оппѣли шу Кнегину
 Всё съ попами , всё съ дѣлками ,
 Всё со вѣрными слугами .
 Положили шу Кнегину ,
 Що Кнегину Кашерину ,
 Въ сырь - матёрную землю .
 Какъ поѣхаѣ Князъ Михайло
 И опѣ иенекъ и опѣ манекъ
 И опѣ вѣрныхъ служанокъ
 На Кнегинину могилу .
 У Кнегининой могилы

Со добра коня звалі́се ,
 О горюоць камень зашибсе ,
 Ево машушка — Кнегина
 Возлѣ рицюшки ходила ,
 Зыцънымъ (13) голосомъ крыцяла :
 — Ахши пляжко согрѣшила —
 Три души я погубила :
 И що первую шу душу —
 Эво (14), Кнезя Михаила ;
 А другую шу вѣдь душу —
 Ево молоду Клегину ;
 А третьюю шу вѣдь душу —
 Во упробѣ то младёна (15).
 А со той тоски — круцины
 И сама въ рицьку бросалась !

Поговорили о Семинаріи , Гимназіи , о согласной жизни Профессоровъ, которой надо желать всмъ ученимъ общеспивамъ для блага ихъ заведеній и собственаго ихъ удовольствія , о городскомъ общеспивѣ .

Увидѣль микроскопическіе замочки съ ключами Сольвычегодскаго маснера Юницына , который продавалъ ихъ сперва по гриненику , попломъ по рублю , и наконецъ по илини руб. — Есть цѣпочка изъ нихъ , гдѣ у каждого замочка свой ключикъ , неподходящій къ другимъ . У маснера блоха привязана на цѣпь за ногу , однакожъ немышающую ей прыгашь . Какова же должна быть шокоспивъ желѣзного волоска , и способноспивъ Русскаго человѣка , который всѣ эши чудеса производилъ помошю одного папилка ! Повѣришь трудно !

Прошлись по городу и онъ дополнилъ мои извѣстія , напр. о рѣчкѣ Золотухѣ , которая вспомала въ золотую копеечку , ошь чего и получила эши название , при Иванѣ Васильевичѣ , о Таипарской слободѣ , гдѣ жили Таша-зы , копавшіе ее .

(13) Зыцънымъ или зычънымъ — громкимъ .

(14) Эво и эвока означаетъ указание .

5) Младёна — младенца .

И здѣсь есть преданіе о подземномъ ходѣ подъ рѣкою Вологдою. Одни говорятъ, что онъ вѣль даже до Прилуцкаго монастыря, а другіе — до церкви Владимира Божія Милосердія. Слѣдовательно шупали были въ Россіи искони; но теперь засорены древніе выходы..

Приходилъ ко мнѣ Г. Фортунатовъ, и на просьбу мою о собраніи разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, описываль, что онъ уже собирающія по собственному распоряженію Господина Директора, разославшаго онъ Совѣту Гимназіи циркуляры (*) къ Училищамъ и Сменическимъ. Самые ученики доказывали уже свѣдѣнія, въ образчикъ коихъ я получилъ описание города Никольска.

Въ Вологдѣ живетъ нашъ незабвенный Башнюковъ, и я почель священцю обязанностію посѣтить его, но не могъ увидѣть, почему чти пытъ, говоряши, онъ чувствовалъ себя не хорошо.

Ввечеру возвратился домой. Собралась ужасная гроза. Загремѣлъ громъ, а молнія шакъ и горѣла на небѣ. Разговоръ начался съ Преосвященнымъ о силахъ природы, о борьбѣ спиритовъ, о борьбѣ началь, объ уподобленіи сашаны молніи, (и увидѣть сашану яко молнію съ небесе спадшу), о духахъ, о бессмертіи, о личности, о ризахъ кожаныхъ, о преображеніи, о просвѣщеніи . . .

22. Перечислявалъ извѣстія о Вологдѣ; запрудненіе сосипанихъ въ томъ, что по грамотамъ Вологда счищалася между владѣніями Новгородскими, а по лѣтописямъ значится въ тоже время какъ удѣльный Росповскій. Мнѣ кажется, что Вологдой назывался не только городъ, но и область; часть области могла принадлежать Роспову, а другая, болѣшая, въ тоже время Новугороду. Такъ точно выходило и по церковнымъ извѣстіямъ: часть пынѣшней Вологодской Губерніи, (которую надо изслѣдовашъ по грамотамъ), принадлежала къ Епархіи Новгородской, а другая къ Росповской. Не одни ли и тѣ же предѣлы имѣли онъ, т. е. церковное

(*) Позѣстятся со-временемъ.

раздѣлениѣ не было-ли вмѣстѣ политическими? — Можно искать и доказательства: о Воеводахъ Василья Дмитриевича сказано, что они опустошили всю Вологду, и Холмогоры взяли. Въ Новгор. грамотахъ Вологда споминается между областями: Тре, Пермь, Нечера, Вологда.

Описание Иноходцева очень дѣльно, полно и хорошо. Мы забываемъ труды нашихъ Академиковъ.

Разбиралъ Библіописку Спасо-Прилуцкаго монастыря. Житіе Саввы Сербскаго, въ харантейномъ Сборникѣ, покрайней мѣрѣ 14-го вѣка, должно быть очень интересно для Шафарика.

Былъ у меня попомокъ, и посмѣдній представитель рода Пятницевыхъ,

Остатокъ горестный Пріамова семейства.

Это уже дряхлый старикъ, которому идентъ на седьмой десятокъ! Грустно смотрѣть на него, оканчивающаго собою семисотлѣтій родъ! Ему шажело говорить по причинѣ одышки. «Иѣсть ли какихъ преданій въ вашемъ родѣ?» Иѣсть никакихъ. «Покрайней мѣрѣ ведетъ память, что вашъ родъ происходилъ отъ того Пятницева, который спорилъ съ Св. Герасимомъ?» А Богъ знаетъ. Это было уже очень давно!

Вспомнился съ Игуменомъ, жившими при извѣстномъ Архимандритѣ Фошіѣ, до самой его кончины, и я услышалъ много любопытныхъ подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нашего времени.

25. Разсмотривалъ рукописи Спасо-Прилуцкаго монастыря, Семинарскую Библіописку.

Оправился къ Баптишкову, по вызову Священника, въ чьемъ домѣ онъ живетъ. Прекрасная компания, и мы опять угощены, хотя я зашелъ только мимоходомъ, такъ что я начиняю походить на Архіерейскихъ служектъ, которые въ Духовномъ Регламентѣ называны лакомыми... Константина Николаевича провелъ ночь не хорошо. Священникъ, и Г-нъ П. совѣтовали мне всиправляться съ нимъ на прогулкѣ, въ саду надѣржкою,

куда онъ сей-часъ долженъ идти. Получивъ свѣдѣнія о пъти ихъ обѣ его сосѣдній, и несолько рисунковъ его работы, я отправился въ садъ. Чрезъ часъ я вижу и Баптикова. Онъ совершенно здоровъ физически, по посѣданію, ходить быстро, и безпресашно дѣлаетъ жесты привѣтные и рѣшишельные; вспрашивается съ нимъ два раза, а болѣе боялся, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣнія.

Получилъ приглашеніе къ обѣду онъ Г. Губернатора вмѣстѣ съ Преосвященнымъ. Бесѣда о Черниговѣ, о шоколахъ Раскольничихъ въ шамошныхъ краяхъ. Вечеромъ продолженіе разговора 20 числа.

24. Приводилъ въ порядокъ дорожныя записки, рымался въ хламу, гдѣ нашелъ еще несолько харашейныхъ листовъ, обглоданныхъ мышами, и испачканныхъ червями.

Былъ у обѣдни; любовался какъ двинулся весь народъ къ амвону, лишь только показался въ Царскихъ дверяхъ Преосвященный говорить проповѣдь. Предъ нимъ лежало Евангелие, и онъ началъ объяснять прочитенную пропицу: о брачномъ ширѣ, о званихъ господахъ, изъ коихъ оказалось мало избранныхъ. Гость, пришедший на бракъ въ небрачной одеждѣ, былъ предснавленъ очень живо, и я какъ будто увидѣлъ его передъ глазами. «А между тѣмъ мы получили еще при самомъ крещеніи брачную одежду,» продолжалъ Проповѣдникъ. «Какъ мы бережемъ ее?» Проповѣдникъ осипаневливался при своихъ вопросахъ, и это внезапное умолчаніе производило особенное дѣйствіе. «Мы бережемъ свое здоровье, свое спокойствіе, свое достояніе, — но какъ бережемъ мы это нашъ драгоценный замогъ? О! слушали, берегите его. Нельзя безъ него будешь явиться на ширь! А если бы кто и прибрамся, то его, пошансъ замѣнишь и изгонишь какъ нынѣшняго недостойнаго гостя. Аминь.» Это заключеніе было превосходно. Послѣ обѣдни зашли

ко миѣ иѣкоторые учительни, и мы поникновали о иѣснѧхъ, предапіахъ, обычаахъ, и проч.

Разбирали листы спаропечатныхъ книгъ Борисова, Михайлова, Алексеева времени; я ошибрамъ иѣсколько выходовъ, которые у насъ цѣнялись дорого.

Г. Иванецкій, учитель Русской Словесности, привнесъ иѣсколько народныхъ иѣснѧ, и между прочимъ одну бывальшину изъ времени Иоанна Васильевича Грознаго. (Такъ называюшъ здѣсь испортическія иѣснѧ). Г. Ив. жилъ прежде во Исковѣ, и рассказалъ миѣ кое-что о памощнемъ краѣ.

Послѣ обѣда въ Ирилуцкомъ монастырѣ. На церковномъ крестѣ развѣвались лоскуты. Что энто шакое? «Ины поднимали крестъ, синебѣній бурею, а жителіи имѣюшъ обыкновеніе приносить отъ своего усердія по винки на крестъ въ церковь, отъ которыхъ оснашиваются и для монастыря.»

25. Перебиралъ Синодики здѣшніе. Въ какомъ порядке и числомъ, какимъ прекраснымъ уставомъ вносились имена до Непра I-го, и какими каракулями записаны послѣдующіе покойники! Крестильянскіе, мѣщанскіе роды записаны вмѣстѣ съ Княжескими и Боярскими. Если примѣчательныя собственныя имена лицъ и мѣстъ. Былъ у меня одинъ изъ здѣшнихъ почетнѣйшихъ гражданъ, Г. Сѣверовъ, и пригласилъ пынѣ обѣданье къ себѣ, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ. Провелъ съ нимъ пре пріятный часъ въ разговорѣ о торговлѣ, о здѣшнемъ краѣ, и соседнихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ частно по торговымъ дѣламъ своимъ. Услышалъ къ удивленію своему, чио онъ чинилъ Нестора, и помнилъ иѣкоторыя мѣста наизусть.